

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Часть I.

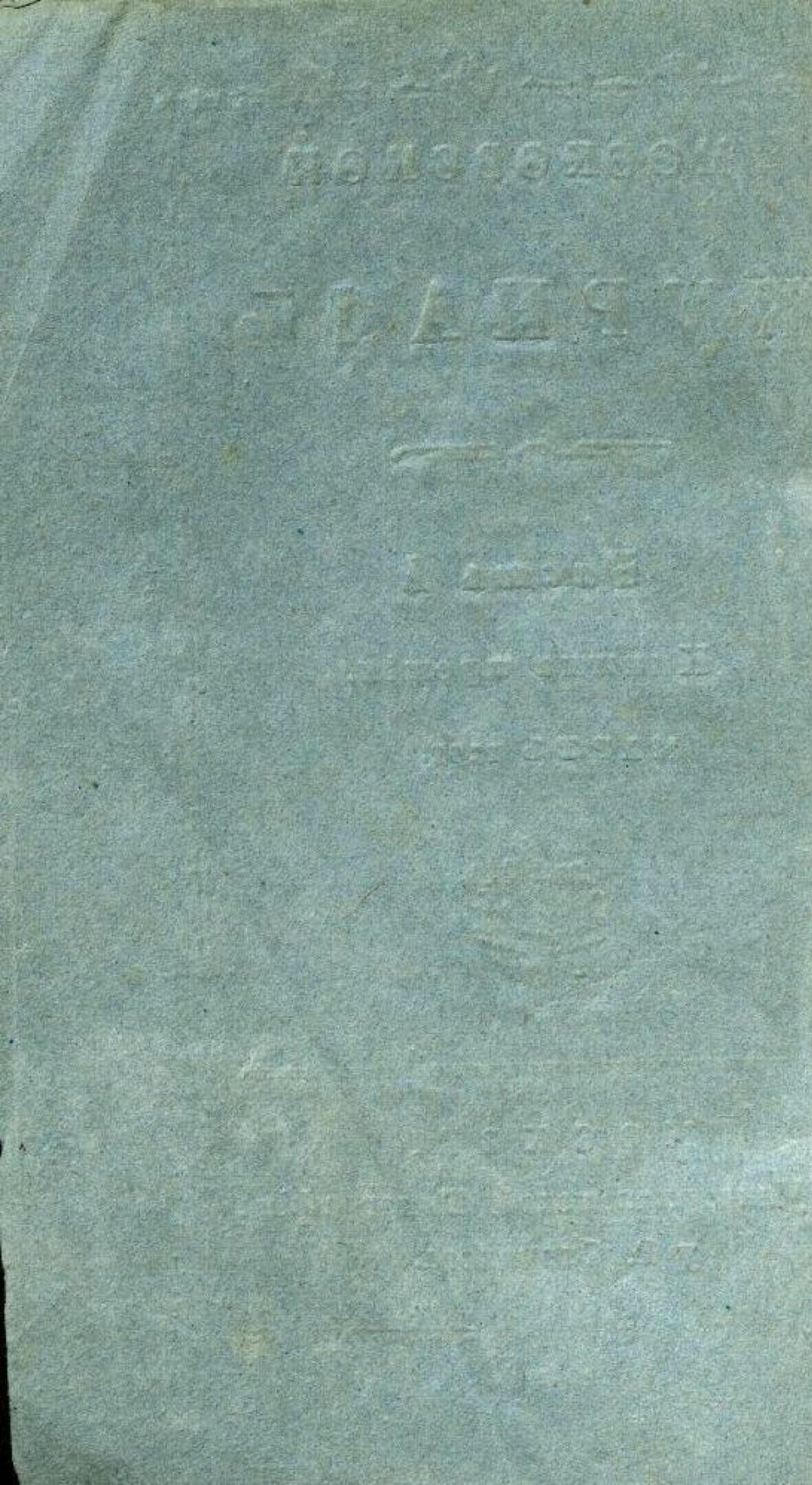
Книжка третія.

МАРТЪ 1791.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ на
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь годъ она-
го стоитъ въ Москвѣ пять руб.
а съ пересылкою семь. Кому же
угодно будеТЬ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щить при томъ свой адресъ, над-
писавъ: *Въ Университетскую книж-
ную лавку, въ Москвѣ*; и въ па-
комъ случаѣ ручается за вѣрное
доставленіе Журнала.

Редк.

IPc 824

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького
М Г У

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть первая. Книжка третія.

Мѣсяцъ Мартъ.

ФБ

ОДА

на смерть Графини Румянцовой
кѣ Н***.

Не беспрепанно дождь спремится
На класы съ черныхъ облаковъ,
И море не всегда спруится
Опѣ премѣняемыхъ вѣтровъ;
Не круглый годъ во льду спятъ воды;
Невсякой день бурь слышенъ свистъ,
И съ скучной не всегда природы
Падетъ на землю желтый листъ.

* * *

Подобно и шебѣ крушился
Не должно Н*** всегда.
Голово лъ солнце вѣ бездну скрылось;
Иль паки упру бысь чреда,

Т

ты

ред 3395

Ты жизнь свою въ тоскѣ проводиши;
По Англійскимъ птицамъ коврамъ,
Уединясь, въ смущеньи ходиши
И волю течь даешь слезамъ.

* * *

Престань — и равнодушнымъ окомъ
Воззри на оный кипарисъ,
Который на брегу высокомъ
На Невскія спруи нависъ,
И мрачной тѣни подъ покровомъ
Во дремлющихъ своихъ вѣтвяхъ
Сокрылъ недавно въ гробъ новомъ
Румянцовой почтенный прахъ.

* * *

Румянцовой! Она блескала
Умомъ, породой, красотой,
И въ спасости любовь снискала
У всѣхъ любезною душой.
Она со првердостью смѣжила
Супружній взоръ, друзей, дѣпей;
Монархамъ осьмерымъ служила,
Носила знаки ихъ честей;

* * *

И зряла въ торжествѣ и славѣ
И въ лаврахъ сына своего;
Не измѣнялась въ сердцѣ, иравѣ

Ни-

Ни для кого, ни для чего;
И доброе и злое купно
Собою испытала всю,
И какъ вершился всеминутно
Людской фортуны колесо.

* * *

Воззри на памятникъ сей вѣчный,
На современницу свою,
И рвнія твои сердечны
И душу успокой твою.
Прочти: „Сія гробница скрыла
„Зашпившаго машь лунный свѣтъ.
„Смерть добродѣтели щадила:
„Она жила почти спо лѣтъ.,,

* * *

Какъ солнце тускло ниспускаетъ
Послѣдніе свои лучи —
По небу, по водамъ блистаєтъ
Румяною зарей въ ночи —
Такъ съ тихимъ вздохомъ, взоромъ
яснымъ

Она оставила сей свѣтъ;
Но именемъ своимъ прекраснымъ
Еще, еще она живетъ.

* * *

Когда шея не мучатъ спрасти ;
Которы трудно усмиришь ;
Когда не хощешь вышней власти
И первою въ Вельможахъ бысть ;
Когда не мстишь, и совѣсть права,
Не алчешь злата и сребра :
Какого же, коль пѣломъ здрава ,
Еще желаешь ты добра ?

* * *

Одно лишь въ насъ добро прямое ,
А прочее все въ свѣтѣ пленѣ :
Почиетъ чья душа въ покоѣ ,
Поиспинѣ томъ есть блаженѣ !
Преспань умомъ твоимъ крылатымъ
По преволненію лепать !
Съ убогимъ грузомъ, иль богатымъ,
Всякъ долженъ къ вѣчности при-
спашь.

* * *

Пожди --- и сынъ твой съ спрашна бою
Иль на щитѣ, иль со щипомъ ,
Съ побѣдою, съ славою, съ женою,
Съ трофеями прѣдемъ въ домъ ;
И ешьли знаносчи и злата
Невѣспка въ даръ не принесемъ ,

Благими и правами богаша,
Прекрасныхъ внучатъ приведетъ.

* * *

Упѣшься --- и въ обѣаты нѣжномъ
Облобызай своихъ ты чадъ,
Въ семействѣ мирномъ, безмятеж-
номъ,
Фессальскій насаждая садъ.
Живи, и расположай науки;
Живи, и обезсмерть себя!
И громогласной лиры звуки,
И Музы воспоютъ тебя.

* * *

Сѣдый соборъ Ареопага,
На истину смотря въ очки,
На счетъ общественнаго блага
Не рѣдко ей давалъ щелчки;
Но въ вѣкъ шотъ Аристиды жили,
Сносили ссылки, казни, смерть —
Когда Судьбы благоволили,
Не должно ли и намъ терпѣть?

* * *

Терпи! Самсонъ сопрѣтъ льву зубы,
А Навинъ потеснитъ луну;
Вождь Россовъ молнией нешѣтъ сугубы,
ЕКАТЕРИНА шину.

Меня жь ничто вредить не можетъ;
Я злобу твердостью сопру;
Враговъ моихъ червь кости сложетъ,
А я Поэтъ, и не умру!

* * *

ПИСЬМО КЪ ПРЕЛЕСТЬ.

Прелеста! веселись: мой рокъ уже
рѣшился.
Внимай и торжествуй: ведь я тобой
плѣнился!
Спышуся слабости, но признаюся въ
томъ,
Что стала ты моимъ отынѣ боже-
ствомъ.
Тебѣ и лиру я и сердце посвящаю.
Но что! я о твоей победѣ возвѣщаю,
Я падаю къ твоимъ съ признаніемъ
ногамъ,
А ты моимъ словамъ
Съ холодностью внимашь!
Уже ли ты не постигаешь,
Какое щасіе, какая слава твой,
Которая прельститъ своею красотой
Питомца Музъ и Аполлона?

Или

Или не знаешь ты, что властенъ
дать онъ то,
Предъ чѣмъ богатство, власть,
корона.

Всѣ благи мїра суть ничто?
Пїшпа, что есть я, едва воспламенился,
И вмигъ въ умъ его пьма, пьма чу-
десъ родится.
Въ минуту онъ тебя въ богиню пре-
творитъ
И всѣхъ тебѣ сердца на вѣки покоритъ;
Онъ тошчасъ дастъ тебѣ усмѣшку,
взглядъ Авроры,
Гебеи молодость, прекрасную пѣнь
Флоры,
И всѣхъ умилъносстей и прелестей со-
боръ,
Какими Граціи блестятъ и Венера.
На что ни взглянешь ты, все твой
украситъ взоръ;
Вездѣ представится иль Книдъ или
Ципера.
Куда ты ни пойдешь, повсюду за тобой
Различныя упѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,
Погонялся полпой.

О красотѣ твоей узнаютъ всѣ предѣлы.

Изъ глазъ твоихъ посыплютъ
спрѣлы,
Которыя пронзятъ и саму тверду
грудь.

Лиши взглянешь, пленникъ кто
нибудь!

Распустишь ли власы свои предъ шу-
алепомъ,

Когда бы ни было, зимой ли то иль
лѣтомъ,

Тотчасъ зефиръ готовъ ихъ кудри
развивать

И съ прохладенiemъ цѣловать.

Къ источнику ль свой путь на-
правишь,

Онъ пише потечетъ; ты и его за-
спавишь

Удерживать свои прозрачныя спруи,
Чтобъ болѣе взирашь на прелесты
твои.

На лугъ ли спушишь ты, цвѣты на
немъ родятся,

Лилеи нѣжныя и розы возгордятся,
Надѣяся, чпо ты, Прелестна, ихъ
сорвешъ

И

И ими грудь свою, грудь бѣлу убе-
реши;
Но вѣрно, на тебя они лишь только
взглянувшъ,
Съ досады и спыда увянущъ.
Подъ древомъ ли сидишь, гдѣ тѣнь
тебѣ готова,
Въ минушу птички всѣ, не говоря ни
слова,
Слепяшися, запоюшъ, чтобъ слухъ
твой упѣшашъ.
Но вздумай только ты съ ихъ гла-
сомъ свой смѣшашъ,
Они умолкнущъ вдругъ. Да кто и въ
самомъ дѣлѣ
Столь будешъ дерзостенъ, чтобъ
пѣть при филомель?
А что до разума — о! въ эшомъ вѣрь,
мой свѣшъ,
Что я, копорый самъ изрядный умъ
имѣю,
Легко найду и въ той, къ копорой
въ спрасши плѣю.
Мнѣ споитъ захощашъ, ты вмигъ ро-
дишь Сонетъ,
Иль пѣсню — что тебѣ угодно,

Все напишу. Хотя Поэту и несродно
Сужать добромъ своимъ дру-
гихъ;
Но что не сдѣлаешь для прелестей
твоихъ!
Когда же наконецъ Киприда раздра-
женна
За то, что для тебя краса ея за-
бвенна,
Упросишь Паркъ пресѣчь нить жизни
твоей —
Прелеста! не спрашивай ни мало, будь
спокойна:
Не плача смерть твоя, но зависи
доспойна.
Прелеста! ты умрешь, но живъ остан-
нусь я.
Любовникъ спрасный твой въ Элегіи
возспоменетъ,
Расстремлешъ волосы, и въ морѣ слезъ
потонетъ;
Все скажемъ, что сказать Овидіи могли,
И ты безсмертию пребудешь на земли.
Любовникъ твой тебя во храмѣ Мнѣ-
мозины

Промежду Деліи посадитъ и Коринь. —

Не леспная ль тебя, Прелеста, ждешъ
судьба?

Ахъ! удостой любишь ты своего раба,
Клянущагося днесъ пресвѣтлымъ Аполлономъ,

Что онъ малѣйшее желаніе твое
Священнымъ будеиъ чпить закономъ!

Возьми, возьми навѣкъ ты сердце въ
даръ мое;

Люби меня хопя для собственныхъ
славы!

Или — спрашивъсъ, и жди, что я,
пресиля спрасить,
Забывши вѣрности успавы,

И скучасъ наконецъ сносить сурову
часть,

Со равнодушіемъ на вѣкъ тебя оставлю,
Другую полюблю, другую и прославлю!

И.

Л.

Я.

Уменъ ли я , ни кѣмъ еще въ томъ
не увѣренъ;
Пороковъ не терплю , а въ слабостяхъ
умѣренъ;
Немножко моповатъ , немножко я бол-
тливъ;
Немножко лгу , но лгу не ко вреду
другова;
Немножко и колю , но не отъ сердца
злова;
Немножко слабъ въ любви , немножко
въ ней спыдливъ;
И предъ любовницей немножко боязливъ.
Не кто безъ слабостей? И такъ на-
дѣюсь я ,
Что вы , мои друзья ,
Не будете меня за нихъ судили
строго.
Немножко дуренъ я , но васъ люблю я

много.

ЭПИГРАММЫ.

И.

I.

Повѣрюль я тебѣ , Кащей ,
Что польза отъ всего на свѣтѣ про-
исходитъ?
Ка-

Какую, на примѣръ, кто пользу въ
шомъ находитъ,
Что разоряешь ты людей?

2.

Почто ты Мазона (*), мой другъ,
не прочишаешь? ---
Какая польза въ шомъ?,, — Ты самъ
себя узнаешь. —
,,А ты его читалъ?,, —
Два раза. --- „Хорошо жь, что я не
начиналъ.,,
И.

В Е Ч Е Р А (**).

Однажды вечеромъ, во время Па-
рижскихъ симпеній, общество друзей,
далившихся въ деревню, скучась раз-
уждать о наспоящемъ и будущемъ,
хоз-

*) Иоанна Мазона о познаніи самого себя.

**) Сіи піесы, сочиненія славнаго Французскаго
Писателя, переводятся изъ M. тсиге de France.
Г. Мармонтель и де ла Гарпъ съ 1790 году
обрабатываютъ ученую часть сего Журнала. и
первой отъ времени до времени сообщаютъ Пу-
блику сіи новые прекрасныя произведения пера
евсего. --- К.

хотѣло заняться чѣмъ нибудь инымъ; и хозяйка, Гж. Верваль, которая любила сказки, и умѣла сама рассказывать весьма пріятно, предложила, чтобы каждой въ свою очередь разсказать самой щасливѣйшій случай въ жизни своей, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ щасливѣйшихъ, кроме тѣхъ, о которыхъ по какимъ нибудь причинамъ говорить не лѣзя.

Предложеніе было одобрено, и младшимъ положено было начинать. „Ахъ, малушка! только чтобы не мнѣ, сказала Юлія: у меня нѣтъ сполько смѣлости. „Хорошо, опѣчала матерь: Дервишъ, братъ твой (*), покажешь тебѣ, какъ надобно преодолѣвать эту робость, которая не всегда происходит отъ скромности. — И подлинно, сказала тихонько Юлія: Королевской Адвокатъ говоритъ, когда ему угодно и какъ ему угодно. Что принадлежитъ до меня, что я не хожу за дѣлами, и не сочиняла нико-

гда

(*) Только не родной.

гда сказокъ. Къ тому же Господину Дервису минуло уже двадцать три года, а мнѣ еще не пѣ и осьмнадцати : розница не малая !

Между тѣмъ Дервисъ собрался съ мыслями, и началъ говорить.

Есть ли башюшка, сказалъ онъ, позволимъ мнѣ говорить о себѣ, то я разскажу вамъ, что было для меня всего пріятнѣе въ жизни моей, и что болѣе всего меня тронуло. — Послушаемъ, сказалъ благоразумной Ормесанъ : обѣ отцѣ своемъ говорить можно ; только чтобы не бранить и не слишкомъ хвалить его. — Дервисъ продолжалъ.

Покойная мапушка, сказалъ онъ съ чувствительностью , была такъ добра , что всѣ знакомые наши говорили , будто она баловала дѣтей своихъ. Правда , что она болѣе нашего огорчалась , когда башюшка на насъ гневался. Есть ли можно было извинить проступки наши , то она извиняла ихъ еще прежде нашего ; а есть ли не лъзя , что она — и шуплъ еще извиняла ихъ.

Ино-

Иногда она бранила насъ; но въ самомъ сердцѣ голосъ у нее былъ такъ пріятенъ, что всякой почелъ бы его голосомъ любви — и когда, нахмури прекрасныя брови свои, хошѣла она грозить намъ, то подъ бровями были у нее такие нѣжные глаза, что самая угроза изъявляла намъ прощеніе. Вообразите же послѣ этова, какова была радость ея, когда мы хорошо вели себя! Она сїяла во всѣхъ чертахъ ея лица; и когда говорили ей о здоровьѣ, молодости и красотѣ ея, которая (*тутъ Дервисѣ вздохнулъ*) казалась безсмертию, то она всегда опвѣчала: *Дѣпи мои не дають мнѣ спарѣться.*

Дервисѣ замолчалъ, чтобы перевести духъ; и опирая двѣ слезы, катившіяся изъ глазъ его, сказалъ: Простите — я говорю о своей матері. Между пѣмъ Юлія обнимала свою мать, и въ прекрасныхъ глазахъ ея, на Гжу. Верваль устремленныхъ, видна была нѣжная томность.

Мнѣ надобно было, продолжалъ Дервісъ, описать вамъ эту чрезмѣрную любовь, чтобы послѣ извинить несправедливость мою. Батюшка мой — я не осмѣлюсь при немъ описывать вамъ души и характера его — батюшка мой думалъ, что одна толькъ холодная и жестокая спрогость со спороны его могла поправить то зло, которое дѣлала намъ излишняѧ нѣжность со спороны машушкиной. Онъ наложилъ на себя мучительную должностъ держать насъ всегда въ страхѣ. За малѣйшіе просупки насъ брали, а за важные наказывали. Онъ все примѣчалъ за нами, и ничего намъ не спускалъ. Что было въ насъ похвально, то, казалось, починалъ онъ съ нашей спороны одною только заплатою за тѣ спаранія, которыя прилагали о прощеніи разума и образованіи сердца нашего. Развѣ они не дѣши мои? говоривалъ онъ: развѣ я ихъ даромъ воспитываю? И когда насъ хвалили ему, онъ не показывалъ ни малѣйшаго знака радости. „Говорятъ,
у „что

,, что вами довольны : продолжай-
,,ше, и старайшесь быть еще луч-
,,шими , чтобы я не имѣлъ причины
,, краснѣться , когда васъ хваляшъ.,,

Всѣ мы были увѣрены въ добро-
дѣтели и правдивости родителя сво-
его , но никто изъ насъ не зналъ ни
чувствительности , ни доброты его.
Я не зналъ эпока до пятинацати
лѣтъ , и только два чувства были
побудительными причинами всѣхъ дѣлъ
моихъ : спрахъ прогнѣвить его , и
боязнь огорчить матушку. Признаюсь,
что это послѣднее чувство было нѣж-
нѣе , однако жь не слабѣе первого ; и
когда баптишка укорялъ матушку мо-
ими пороками , приписывая ихъ излиш-
ней ея снисходительности , то огро-
ченіе ея терзало мое сердце. Я вмѣ-
стѣ съ нею плакалъ , и баптишка ме-
ня обыкновенно шѣмъ наказывалъ. Мы
лишились ее — и я могу сказать , что
съ ея смертю кончилась моя моло-
дость. Горесть привела вдругъ въ
зрѣлость чувства и мысли мои. Годъ
траура былъ для меня возрастомъ.

Дол-

Должности мои спали важне. Когда я снова могъ приняться за ученье, оно было уже для меня не трудомъ, а упѣшеніемъ. Я спалъ уединенъ среди множества соучениковъ моихъ; игры ихъ сдѣлались для меня скучны. Думашь о покойной матери моей и плакашь, или искать отрады въ ученьѣ, подобно какъ бы въ обѣяшіяхъ друга: — вотъ въ чемъ проводилъ я дни и ночи въ то время, какъ учился Репорикъ. Иногда во время самого ученья казалось мнѣ, что я вижу мать мою, и слышу ее говорящую: „Старайся „образовать разумъ и сердце свое; „будь сыномъ достойнымъ отца сво- „его; будь его упѣшеніемъ; да бу- „детъ онъ щастливъ, еспѣли онъ „безъ меня можетъ быть щастли- „вымъ; да будетъ онъ щастливъ дѣть- „ми своими! „Эта мечта усугубля- ла силы мои. Поверхность, какой не имѣлъ я никогда въ нижшихъ классахъ, была плодомъ моей меланхолической прилежности; и когда пришлось раз- давать награжденія, я былъ предпо-

членъ всѣмъ моимъ соученикамъ, отъ
того, что нещастіе было моимъ учи-
телемъ.

Имѣя одно намѣреніе дѣлать до-
бро, ни мало не думалъ я о своихъ
успѣхахъ, и даже не зналъ ихъ. Про-
фессоръ мой хаживалъ къ баптишкѣ, и
говаривалъ съ нимъ обо мнѣ, но ни-
когда не примѣталъ въ немъ знаковъ
той радости, которую оказываютъ
родители, слыша о дѣяхъ своихъ
хорошее. Конечно боялся онъ открыть
свою тайну.

Ректоръ приписывалъ эту холод-
ноть чрезмѣрной важности его ха-
рактера; и чтобы наконецъ побѣ-
дить ее, вздумалъ онъ прибѣгнуть къ
сильному дѣйствию внезапности. Какъ
будто бы изъ учтивости, пригласилъ
онъ его въ торжественное собраніе
училища, въ которомъ надлежало раз-
давать награжденія. Развѣ по какой
нибуль особенной причинѣ должно мнѣ
шамъ быть? съ равнодушiemъ спро-
силъ отецъ мой. Эта тайна у нашихъ
судей,

судей, отвѣчалъ ему Профессоръ, и
намъ никогда о томъ напередъ не ска-
зываютъ. — „Что же мнѣ тамъ дѣ-
лать? „ — Вы увидите источникъ
соревнованія. — „И сущности? „ —
Нѣтъ, государь мой: сущность мо-
жетъ быть только въ вещахъ бездѣль-
ныхъ, а наши торжества бывающы для
молодыхъ людей не пустою честію. Во
всѣхъ возрастахъ жизни прилежность
и любовь къ ученью есть добро; а
усиѣхъ въ ученьѣ всегда похваленъ.
Хорошо подавашъ въ томъ примѣръ,
и хорошо видѣть его. — Вы правду
говорите, сказалъ баптишка: я радъ
буду видѣть зависть въ сынѣ моемъ,
когдаувѣнчающы его товарищей.

И такъ баптишка согласился бытъ
къ намъ. Что принадлежитъ до меня,
то не могу описать вамъ моего спра-
ха, когда издали увидѣлъ я его вмѣ-
стѣ съ другими посыпелями. Куда
скрыться, думалъ я, еспѣли не полу-
чу никакого награжденія! Однако жъ
за чѣмъ бы звать баптишку, еспѣли
бы мнѣ ничего назначено не было?

Будемъ надѣяться. — Между тѣмъ я дрожалъ, чувствуя въ первой разъ желаніе славы, со всѣми его спрахами. Къ щастію, классу моему надлежало первому явиться Я получаю первое, второе, третіе награжденіе. Батюшка три раза слышитъ мое имя; три раза видишъ меня увѣнчаннаго — и съ книгами и въ лаврахъ, при плескахъ и гласѣ трубъ, схожу я съ шеапра, бросаюсь въ кучу зрителей — меня хващаютъ на руки — и я лежу у ногъ моего родителя. Онъ беретъ меня въ свои объятія, и съ движеніемъ, которое открыло наконецъ всю тайну его, прижимаетъ меня къ своему сердцу, и я чувствую на лицѣ своеемъ слезы его. *Я, батюшка! естьли бы она жива была!* — сказалъ я съ рыданіемъ. Сердца наши спали такъ полны, что намъ надлежало выйти изъ залы. Поѣдемъ, другъ мой! сказалъ мнѣ батюшка: садись со мной въ карету; я чувствую, что ты мнѣ нуженъ; намъ впередъ не льзд будемъ разспаться.

Когда

Когда мы съли въ карету, онъ снова меня обнялъ, и сказалъ мнѣ: Видишь теперь, что отецъ твой чувствителенъ; видишь, что онъ любитъ дѣтей своихъ. Теперь знаешь мою слабость: не открывай ее, а особенно меньшимъ братьямъ твоимъ; для нихъ еще надобна спротивъ. Братья мои были въ Жюлли. Бапюшка! сказалъ я: вспомнишь, что у дѣтей вашихъ нѣтъ уже матери; что лѣта ихъ имѣютъ свои печали, и что для юныхъ сердецъ ихъ нѣтъ уже того утѣшенія, которое прежде услаждало ихъ горесть. Уже къ несчастію не можете вы бояться тѣхъ нѣжныхъ слабостей, которыхъ мы часто во зло употребляли. Будьте всегда ощущены, и воля ваша будетъ для насъ закономъ; но будьте иногда и матерью. Буду, сказалъ онъ, и не стану болѣе принуждать сердца своего; но впредь буду еще и другомъ твоимъ. Поклянемся быть одпою душою, и ничего не скрывать другъ отъ друга. — Для чего не могу выразить

вамъ того воспоминанія, въ которомъ я
жался и слышалъ клятву моего лю-
безнаго родителя! Эта минута была
счастливѣшюю минутою прошедшей
жизни моей, и неиспощимымъ испоч-
никомъ пріятностей для дней буду-
щихъ.

(Продолженіе будетъ спрѣдъ.)

СЕЛЬСКОЙ ПРАЗДНИКЪ

и

С ВАДЬБА,

Письмо къ . . .

Село. . . ское, 3 Окт.

1790.

Я давно уже зналъ, что прі-
ятель мой * * *, которой обыкновен-
но проводишъ лѣто и начало осени
въ . . . ской своей деревнѣ, по убор-
кѣ хлѣба даетъ пиръ своимъ крестья-
намъ и дворовымъ людямъ; а нынѣ
удалось мнѣ быть самому на семъ
праздникѣ.

Когда насталъ день праздника, всѣ поселяне, числомъ до четырехъ сомъ, собрались къ обѣднѣ. Церковь

у

умного пріятеля для деревни прекрасная; образа написаны хорошо; впрочемъ нѣтъ ничего ни раскрашенного, ни раззолоченного; вездѣ дерево въ натуральномъ своемъ цвѣтѣ, выдѣланное чисто и гладко. Четыре сполна Дорического Ордена возвышающиеся подъ Царскихъ дверей; болѣе нѣтъ никакихъ украшений. Сей сельской храмъ простъ какъ наша святая Религія, какъ сердце невинности. — Всѣ мушки и женщины были по своему наряжены; послѣднія въ золотыхъ вѣнцахъ, въ высокихъ своихъ кичкахъ, въ шафтяныхъ или кумачныхъ рукавахъ. У девушекъ были на головахъ только перевязки, по большой части изъ лентъ, полученныхъ ими въ подарокъ отъ своей Госпожи; волосы заплещены были въ косу. Попъ въ бархатныхъ своихъ ризахъ оправлялъ службу съ ошмѣнною важностью; а мы съ Хозяиномъ тянули на крилосъ отъ всего сердца. Многіе крестьянки причащали въ сей день дѣтей своихъ. Послѣ обѣдни былъ

благодарственной молебенъ за хороший урожай и за благополучную уборку хлѣба.

Возвращаясь изъ церкви, видѣлъ я въ споронѣ за деревьями кипящіе коплы и жаримыхъ быковъ, а на дво-рѣ стояли длинные сполы въ нѣсколько рядовъ.

Всѣ поселяне прямо изъ церкви пришли въ домъ къ Господину, и заняли всю залу. Тутъ любезной мой пріятель говорилъ съ ними около часа какъ ошецъ съ дѣтьми, проспымъ сердечнымъ языкомъ, преподавая имъ нѣкоторыя удобопонятныя и нужныя для нихъ моральныя испинны, и увѣщевая ихъ быть трудолюбивыми и жить между собою въ братскомъ ми-рѣ. Всѣ слушали его съ великимъ вни-маніемъ; иные были до слезъ про-нущы.

По томъ спросилъ онъ, не имѣютъ ли они до него прозвѣтъ? Мы всѣмъ довольны, отвечали они въ одинъ голосъ. Только позвольше намъ же ниппъ сыновей своихъ, сказали нѣко-

торые. Чтобы не было никакого принуждения со стороны невѣстъ, пріятель мой спрашивалъ у нихъ самихъ, хотятъ ли онъ ипши за тѣхъ, копорые за нихъ сватаются? Всѣ, хотя иныхъ не скоро, объявили свое согласіе — всѣ, кромѣ одной, кошпора между тѣмъ, какъ другихъ спрашивали, со слезами бросилась Госпо-жѣ въ ноги. Что такое? спросила Госпожа, поднимая ее: о чёмъ ты плачешь? Ахъ! какъ мнѣ не плакать! отвѣчала она: башюшка отдаешь меня за того, за кого мнѣ ипши не хочется.,, Не бойся, сказала пронущая Госпожа, не бойся; тебя насилию не отгадуешь. — Лучь радости блеснула въ глазахъ ея. Она взглянула на свою утѣшильницу, и бросилась цѣловать ея ноги.,, Ты пойдешь, за кого хочешь, продолжала Госпожа: скажи только, за кого? Нѣть ли у тебя кого на примѣтъ?,, Покраснѣвъ и потупя глаза въ землю, отвѣчала она: ,За меня сватался спасинъ сынъ изъ другой вашей деревни,

ревни, да батюшка не хотѣлъ меня за него выдать.,, А ты бы за него пошла? спросила Госпожа. Пошла бы, сказала она, и болѣе закраснѣлась. Староста съ сыномъ былъ не далеко. Послѣдняго привели и поставили подъ лѣвушки. Прекрасная пара! сказали мы всѣ. Они были равныхъ лѣтъ и равной пріятности въ лицѣ. Староста началъ кланяться и просить лѣвушку за своего сына. Мы ее давно знаемъ, говорилъ онъ; она такъ добра, что ее всѣ любятъ. Госпожа сама сложила ихъ руки. Старикъ отъ радости почти заплакалъ. Женихъ и невѣста взглянули другъ на друга, и снова пошутили глаза. Только рука женихова не такъ дрожала, какъ невѣстина; но сердце у него вѣрно такъ же билось. Они спояли какъ передъ олтаремъ; а мы смотрѣли на нихъ, и радовались. О! какъ пріятно видѣть соединеніе пѣхъ, которые любятъ другъ друга! -- Завтра можетъ быть и свадьба, сказалъ Господинъ. Я готовъ, батюшка! отвѣчалъ староста.

Спро-

Спросили у невѣсты. „Я не готова, сказала она: у меня нѣтъ приданаго; а пуще всего нѣтъ рубашки для жениха.“ У тебя все будетъ, сказала Госпожа. Невѣста скромнымъ поклономъ изъявила свою благодарность и согласіе. Тутъ явился отецъ ея, и началъ находить запрудненія; но его уговорили, и дѣло было съ концемъ. Невѣсты дали тонкой холстъ, изъ кошлага надлежало ей сшить жениху рубашку, и топчасъ послали человѣка въ городъ купить нужное для ея наряда.

Между тѣмъ поселяне, выпивъ по рюмкѣ вина, садились за столы. Для ребятишекъ поспланы были скатерти на травѣ. Къ щастію день былъ прекрасной. Одинъ мужикъ сказалъ мнѣ: „Богъ любитъ нашъ праздникъ, и даетъ намъ всегда красной денекъ.“ Всѣ лакеи и дворовые люди служили имъ, и наполняли чаши добрыми, жирными щами съ мясомъ. Господинъ, Госпожа и милыя дѣти ихъ ходили и смотрѣли, всѣ ли довольны. Забавно было видѣть,
какъ

какъ ребяпчики повелѣвали своими молодыми господами. „Вели намъ по-дать квасу, пива! „, кричали они --- и то и другое имъ подавали. Большеи также ни мало себя не принуждали; ѿли такъ, что съ нихъ потъ текъ ручьями, и по своему обыкновенію разговаривали съ крикомъ. „Дай Богъ здоровья нашимъ Господамъ! говорили или кричали они. Это еще ничего, что они настъ нынѣ подчивають; а то вѣдь помните, братцы, что и въ голодной годъ былъ намъ такой же праздникъ. Такъ и быть, ребята! сказалъ тогда баринъ: хотъ на одни день забудемъ все горе, и повеселимся. Ужъ намъ ли не житье! Иные такъ не смѣютъ взглянуть на барина; а мы кричимъ: баринъ! вели намъ по-жаловать пива! Иныхъ заря вгонитъ, а другая выгонитъ, и все на барщину; а у насъ такъ, слава Богу! день на барина, да день на себя. Придемъ праздникъ, лежимъ на печи.,, —

Послѣ щей подавали имъ пироги, жареное, творогъ и яблоки. Когда обѣдъ

обѣдъ кончился, они раздѣлились на разные партии: одни пошли качаться на качели, другое расположились на травѣ пить пиво, иные въ кругахъ начали пѣть пѣсни въ честь своимъ Господамъ; гудки загудѣли, дудки задудѣли, а молодые пошли трястись и вертѣться, или плясать, не такъ пріятно какъ Вестрисъ, когда онъ будто бы плашетъ по - Руски, но за то оригинальнѣе его. Я не намѣренъ писать шракаша о плясѣ; но могу сообщить любезному Л* нѣкоторыя идеи касательно сего предмета, въ надеждѣ, что онъ употребишъ ихъ въ сочиняемой имъ глубокомысленной *исторiи кривлянiй рода теловѣтскаго* — а сими идеями обязанъ я пласунамъ села . . . скаго. --- Наконецъ, часовъ въ семь, пѣсни умолкли, пляска, катанье кончилось, и всѣ, закричавъ въ одинъ голосъ: *благодаримъ васъ, батюшка и матушка!* пошли по домамъ, взявъ еще на ужинъ по чашкѣ оставшихся щей и по куску мяса.

На

На другой день былъ праздникъ для дворовыхъ людей. Послѣ нашего обѣда, которой кончился ранѣе обыкновенаго, накрыли два стола въ двухъ комнатахъ: одинъ для офиціантовъ и слугъ, а другой для нижнихъ людей, то есть, для ямщиковъ, для скопниковъ, для конюховъ и проч. Первыхъ было съ женщиными человѣкъ двадцать пять. Они сами поставили кушанье, и сѣли за столъ; а намъ надлежало перемѣняться имъ парелки и подавать блюда. У нихъ были уже супы, соусы, хлѣбенное, виноградное вино. Съ кушаньями управлялись они такъ скоро, что мы измучились подавая парелки. Я слыхалъ отъ своей няньки, что на томъ свѣтѣ слуги будутъ господами, а господа слугами; но мнѣ случилось и на семъ свѣтѣ видѣть такое чудо. Въ половинѣ обѣда начали они пить здоровье Господъ своихъ и гостей, а по томъ свои здоровья, величая другъ друга по именамъ и отчесствамъ. Они прекрасно играли ролю господъ, говорили

бон-

бонмо , смеялись и смешили ; важничали и проч. и проч., какъ у насъ водится. Петербургской жицель , думалъ я , живетъ по-Французски или по-Англійски ; Московской перенимаетъ у Петербургскаго , и служитъ въ свою очередь образцемъ для Принціаловъ ; наконецъ слуга перенимаетъ у господина , и такъ далѣе --- сколько копій ! Съ сею мыслю заглянуль я въ ту горницу , гдѣ обѣдали нижняя люди ; но тамъ не примѣтилъ ни галицизмовъ , ни англичанъ --- ѿли Рускія щи въ деревянныхъ чашкахъ деревянными ложками , и въ пошѣ лица своего --- кромшили мясо , и служили другъ другу .

Обѣдъ кончился --- заиграла музыка , и кавалеры , шаркнувъ передъ дамами , пошли танцевать минуетъ , или расхаживать какъ Индѣйскіе пѣтухи . Посмотря , ушли мы въ другія горницы , чтобы дать имъ полную свободу .

Межу тѣмъ невѣстинъ нарядъ былъ готовъ . Послали за нею . Бѣдную Фри-

привели босикомъ; однако жъ въ бѣлой рубашкѣ и въ нарядномъ сарафанѣ. Тутъ надѣли на нее большой серебреной креспѣ, розовые тафтияные рукава, золотой вѣнецъ, и коротенькие сапожки; голову покрыли киссейною фатою, и по томъ опирали ее домой принимать жениха. Я имѣлъ любопытство видѣть свадебную церемонію, и пошелъ къ невѣспѣ. Лишь только успѣлъ дойти, услышалъ пѣсни, и увидѣлъ жениха скачущаго верхомъ съ дружкою и съ двумя изъ своихъ родственниковъ, а за ними двѣ шелѣги парами, гдѣ сидѣла сваха съ прочею жениховою роднею. Вместо того, чтобы отворить ворота, ихъ заперли. Пріѣхали и остановились. На плечахъ у жениха приколотъ былъ красной плащокъ. Хозяинъ изъ за-воротъ спросилъ, что за люди пріѣхали? Мы охотники, отвѣчалъ дружка: ъздили по долинамъ и лѣсамъ, и пріѣхали спросить, не забѣгалъ ли къ вамъ красной звѣрь. „Нѣтъ у насъ звѣря краснаго, отвѣчалъ

чалъ хозяинъ: поѣзжайше спрашиватъ въ другое мѣсто.,, Женихъ съ дружкою поскакали прочь и опять назадъ, остановились, сказали тоже, и опять были прочь отосланы. Телѣги и другие два вершника стояли все у воротъ; сваха тянула свадебныя пѣсни. Между тѣмъ невѣста, сидя за накрытымъ столомъ, гдѣ стоялъ хлѣбъ съ солью, обливалась горькими слезами, а родня ея выла, приговаривая, *покидаешь ты насѣ, покидаешь, и проч.* Наконецъ впустили весь поѣздъ. Тотъ, кто отворилъ ворота, требовалъ осьмуху вина, и получивъ, сказалъ: *Для коней вашихъ есть у насѣ овесѣ и сѣно, а для васѣ хлѣбъ-соль и тепла квартера.* Вошли въ избу, помолились, и на всѣ четыре спороны поклонились. Мальчикъ лѣтъ четырнадцати, родственникъ невѣстинъ, спалъ прошивъ жениха съ большимъ желѣзнымъ половникомъ, и сказалъ: *Купите у насѣ косу! купите у насѣ косу!*,,, *Поди прочь, мальчишка!*,,, закричалъ дружка, и взялся за кнутъ,

которой висѣлъ у него за поясомъ.
«У меня есть половникъ! опѣчалъ
мальчикъ: купите косу! купите косу!
Дружка бросилъ въ половникъ пять ко-
пѣекъ, и подвелъ жениха къ невѣстѣ,
которая сидѣла за хлѣбомъ накрытая
фатою. Тушъ подали на столъ чашку
щей и часть мяса; поѣздные стали
ѣсть, но женихъ ни за что не при-
нимался. Оставилъ ихъ, пошелъ я въ
церковь, гдѣ нашелъ хозяина, хозяй-
ку и гостей въ ожиданіи свадьбы.
Мы имѣли еще время освѣтишь всю
церковь, хотя изъявилъ тѣмъ радость
свою о соединеніи сельскихъ любовни-
ковъ. Не повѣришь, какое участіе всѣ
мы брали въ судьбѣ ихъ! Ты бы,
мой другъ, тоже чувствовалъ, еслѣ-
ли бы увидѣлъ ихъ пріятныя лица,
ихъ двѣщущую юношѣсть. — Прышко
примчалась свадьба. Женихъ съ прочи-
ми прїехалъ верхомъ же, а невѣста,
одѣтая сверхъ сарафана въ шубу,
сидѣла со свахою; съ ея стороны не
было никого, кроме одной женщины,
которая держала въ рукахъ кичку.

Въ трапезѣ ихъ обручили. Свѣча , ко-
торою Священникъ благословлялъ невѣ-
спу , погасла въ самой шопѣ мигъ ,
какъ она хотѣла взять ее. Сваха ах-
нула , и я испугался , вообразя , что
у нихъ почитается это за худую
примѣту ; но меня успокоили , сказавъ ,
что тогда бы почлось это за нещастное предзнаменованіе , когда бы
свѣча погасла въ рукахъ у невѣсты .
Вѣнчальная пѣсни пѣли мы хоромъ ;
я читалъ Апостолъ , и хотя закра-
снѣлся , однако жь преизрядно возгла-
силъ : *и жена да боится своего мужа!*
Обвѣнчавъ , отвели ихъ назадъ въ трапе-
зу , гдѣ дружка расплелъ молодой
косу , и вместо одной заплелъ двѣ .
Сваха надѣла на нее кичку , повязала ,
покрыла ей кисею . Шубу съ нее сня-
ли , и она въ золотомъ своемъ вѣн-
цѣ и въ розовыхъ рукавахъ — подъ
увѣшѣ щекъ , раскраснѣвшихся отъ
сильного внутренняго движения — каза-
лась красавицею . „Какъ ты щастливъ !
сказали молодому : живи , люби и нѣжь
ее ! „ Онъ поклонился , и на глазахъ

У него навернулись радостные слезы.
„Мы на нее никогда не наглядимся,
оплакалъ за него отецъ: она будеъ
въ нашей семье чельшкомъ; мы не
дадимъ на нее вѣшру дунуть; будемъ
беречь ее какъ очи свои., „На шоѣ
годъ — сказала Госпожа молодой —
на шоѣ годъ, когда мы прїѣдемъ въ
деревню, приди ко мнѣ съ ягодами,
и расскажи, какъ вы съ мужемъ живѣ
будете. --- Живите щасливо! закрича-
ли мы всѣ: живите щасливо! -- Я очень
жалѣлъ, что не могъ видѣть конца цере-
моніи, то есть, какъ молодой съ молодою
прїѣхалъ къ себѣ домой; потому что
онъ живетъ въ другой деревнѣ, вер-
стахъ въ десяти отсюда. Мнѣ сказы-
вали, что передъ воротами зажи-
гаются связка соломы, черезъ кото-
рую всему поѣзду надлежитъ проска-
кать; что молодыхъ встрѣчаютъ ближ-
няя родственница съ образомъ и въ
вывороченной шубѣ, а другой кто
нибудь держитъ хлѣбъ и соль; и что
ихъ осыпаютъ хмѣлемъ.

Вышедши изъ церкви, увидѣли мы передъ господскимъ домомъ иллюминацію; фонари, разспавленные въ нѣкоторомъ порядкѣ, производили прекрасное дѣйствіе. Въ залѣ все ликовало и шумѣло. Дѣвки, перерядясь въ крестьянское плащье, плясали по-Руски. Кички, которыя казались мнѣ всегда самыми не красивыми головнымъ уборомъ, нѣкоторымъ изъ нихъ придавали удивительную пріятность. Хозяйка хотѣла видѣть въ этомъ нарядѣ своихъ малютокъ: не можешь представить себѣ, какъ они хороши казались! Мы ихъ расцѣловали. — Одинъ изъ плопниковъ съ рыжею козлиною бородою, которой масперъ былъ игратъ на дудкѣ, явился въ Англійскомъ фракѣ и въ шапкѣ конфедераткѣ, началь дудѣшь и притапывать ногою, и приматывать головою, такъ, что не льзя было удержаться отъ смѣху. Полюбовавшись веселою компаніею, мы ушли. Шумъ продолжался до одиннадцати часовъ. Тутъ сцена перемѣнилась --- все замолкло — слуги стали

опять слугами, и должны были накрывать для насъ сполъ.

Такимъ образомъ все у насъ веселилось: и мужики и дворовые люди и мы.

Проспи, мой другъ! и проч.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ.
СТВЕНИКА.

(*Продолжение.*)

Первая станція отъ Данцига.

Въ Данцигѣ присоединились къ намъ Офицеръ, молодой Французской купецъ и Магистеръ. Намъ дали еще открышую фуру, гдѣ сѣлъ Ширмейстеръ съ Капитанскимъ слугою. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оспавалось еще одно мѣсто. Магистеръ хотѣлъ занять его; но Французъ поднялъ крикъ, доказывая свое спаршинство. Ширмейстеръ рѣшилъ процесъ въ пользу послѣдняго, которой въ самомъ дѣлѣ записался на почтъ прежде. Магистеръ крайне упрашивалъ насъ, чтобы мы какъ нибудь помѣсились и дали ему мѣсто.

спо въ коляскѣ, представляя ученымъ образомъ, что ему съ Ширмейстеромъ и слугою будетъ скучно; но онъ проповѣдавалъ глухимъ ушамъ, какъ говорятъ Нѣмцы. Французъ, по дорожному весьма хорошо одѣтой, въ торжествѣ сѣлъ на лавкѣ между двухъ Офицеровъ, съ насмѣшкою жалѣя, что бѣднаго Магистера вымочитъ дождь, которой спалъ накрапать. Новой нашъ товарищъ, Офицеръ, желая сидѣть просториѣ, поглядывалъ на него очень косо, и началъ его жать. Французъ весьма учтиво объявилъ, что ему становится тѣсновато. Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ ему Офицеръ съ сердцемъ, закурилъ трубку и началъ пускать ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака. Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, *тогда это знали?* --- , То, чтобы вы убрались въ фуру къ Магистеру., --- Государь мой! сказалъ Французъ съ гордымъ видомъ. — Государь мой! отвѣчалъ Офицеръ съ досадою: вамъ говорятъ, чтобы вы убрались отъ насъ.

— Французъ съ важностию увѣрялъ, что имѣетъ равное съ нимъ право сидѣть въ коляскѣ; но Офицеръ, худой Юристъ, началъ сыпать на него пепель съ огнемъ, говоря, что Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя. Французъ только что отряхивался. По томъ Офицеръ упknулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли. Французъ говорилъ, что онъ ни за что не выйдетъ изъ коляски. Приступы продолжались. Наконецъ Французъ, видя, что терпѣніемъ не отѣлашься, сквозь слезы просилъ Офицера, чтобы онъ оставилъ его въ покой до первой перемѣны, гдѣ онъ обѣщался пересѣсть въ фуру, не смотря на дождь. Старые мои товарищи, насмѣявшиясь досыпа, скалились надъ мученикомъ, и уговорили своего собрата, чтобы онъ удовольствовался его обѣщаніемъ. И я смеялся; однако жъ искренно жалѣлъ о Французѣ, хотя онъ потчасъ забылъ все, и сталъ веселъ.

Теперь перемѣняютъ лошадей, и готовятъ намъ легкой ужинъ.

Выѣхавъ изъ Данцига , смотрѣлъ я на море , которое было у насъ на правой руцѣ . Болѣе не попадалось въ глаза ничего занимательнаго , кроме проспраннаго Данцигскаго гульбища , гдѣ было мало людей , для того , что накрапалъ дождь . Въ серединѣ идѣть большая дорога , а по споронамъ въ алеяхъ прогуливаются .

Офицеры сговорились было атаковать Магистера ; но онъ довольно искусно отбилъ первые приспупы , такъ что они наконецъ оставили его . Онъ ѣдѣть въ Италію разсматривать древности . Многіе восточные языки , по его словамъ , ему известны . Онъ показывалъ мнѣ письмо Графа ** , при кошоромъ онъ , по его прозвѣ , прислалъ ему экземпляръ Алкорана , напечатаннаго въ Петербургѣ . Мы другъ съ другомъ гармонируемъ болѣе , нежели съ Офицерами (*).

Шпол-

(*) Послѣ читалъ я о Магистре Рингѣ въ приблизеніи къ Енскимъ литеатурнымъ Вѣдомо-
с搞笑ъ . Нишуя , что онъ очень ученъ , и что

Шполле, $\frac{1}{2}$ Тюня.

О грубости Прусскихъ поспиллоновъ путешесственники говорятъ всегда съ великимъ неудовольствиемъ. Нынѣшній Король издалъ указъ, въ которомъ рекоммендуется всѣмъ Почтмейстерамъ имѣть болѣе уваженія къ проѣзжимъ, и не задерживать никого болѣе часа на перемѣнахъ, а поспиллонамъ запрещаются всѣ самовольныя остановки между перемѣнъ. Нахальство сихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и нещастные путешесственники должны были по цѣлымъ часамъ ихъ дожидаться, или выманивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ добрыя слѣдствія; однако жь онъ не во всей точности исполняется. Постиллонамъ,ѣдущимъ съ ординарцою почтою, не вѣдно останавливаться дорогою болѣе одного раза, и то проѣхавъ половину; но случалось, что наши останавливались раза по три.

Не

въ путешествіи своемъ безъ сомнѣнія обогащены
од еще большими знаніями.

Не доѣзжая за полмилю до Шполле, мы принуждены были съ часъ дожи-
даться поспилліоновъ, которые весьма
спокойно пили и ъли въ корчмѣ,
не смотря на позывы съ нашей спо-
роны. Наконецъ Офицеры вышли изъ
шерпѣнїя, и Капитанъ велѣлъ слугѣ
своему сѣстру на козлы и ъхать. Тутъ
негодяи выбѣжали, и сперва было ни-
мало не думали извиняться; но Офи-
церы такъ на нихъ напустили, что
они очень присмирѣли. Пріѣхавъ, всѣ мои
товарищи грудью приступили къ Почт-
мейстеру, и требовали, чтобы онъ
наказалъ поспилліоновъ — *выговоромъ?*
спросилъ Почтмейстеръ — *палкою*,
опѣчали Офицеры. Я не имѣю права
бить ихъ, сказалъ Почтмейстеръ.
,,Вздоръ! вздоръ! закричалъ Капи-
танъ: или я самъ со всѣми управ-
люсь!,, --- Тутъ онъ спрашнымъ об-
разомъ спукнулъ въ полъ своею
простью. „Насиліе! насиліе! завопилъ
Почтмейстеръ: хошатъ драчиться, бить
меня!,, --- Капитанъ вдругъ перемѣ-
нилъ тонъ, и сказалъ шико: „Я не
хочу

хочу драчься, а въ Берлинѣ поговорю о васъ съ Министромъ., Сказалъ и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ. Я эпова шакъ не оспавлю, ворчалъ сквозь зубы Капитанъ. Какъ это оставишь! кричали Офицеры. Поспиллоны, какъ будто бы ничего не зная, пришли къ намъ просить на вино. Вонъ собаки! закричалъ молодой Подпоручикъ, и бросился къ нимъ съ кулакомъ; но Капитанъ удержалъ его, и равнодушно сказалъ: „не будемъ же виноваты!„ Поспиллоны вышли — дверь запворилась, и опять потихоньку спала опворяясь — всѣ тута оборотили глаза, и увидѣли Почтмейстера голову. Что вамъ угодно? спросилъ Капитанъ суровыиъ голосомъ. Тутъ Почтмейстеръ всунулъ къ намъ въ горницу все свое туловище, началъ шаркать и кланяться Капитану, и называть его Господиномъ Капитаномъ, и опять Господиномъ Капитаномъ, и уверять его, что онъ имѣетъ къ нему почтеніе, и знаетъ Маюра его полку, и знаетъ его фамилии.

милію, и знаєшъ, что онъ правъ, и отдаєшъ ему въ полную власть тѣхъ поспилліоновъ, кошорые повезутъ насъ изъ Шполле, и проч. и проч.
--- Капишанъ смягчился, улыбался и отвѣчалъ на все: „хорошо, хорошо, Господинъ Почтмейстеръ!”, --- Мы съ Магистеромъ такжে улыбались; а Офицеры говорили тихонько: „дуракъ! прусъ!”, —

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчанія доспойнаго, кроме того, что въ мѣстечкѣ Луповѣ ъли мы прекрасныя форели и пили прекрасной бишефѣ. И такъ ешьши вы, друзья мои, когда нибудь будеше въ Луповѣ, то вспомните, что другъ вашъ ълъ тамъ прекрасныя форели, и пилъ прекрасной бишефѣ — вспомните, и велише подать себѣ и шого и другаго.

Здѣсь оспаєшся топъ Офицеръ, которой мучилъ Француза; и такъ сей послѣдний сядетъ съ нами. --- *Adieu!*

Шпаргардъ, $\frac{1}{2}$ Іюня.

О Шпаргардъ, куда мы прѣхали ужинать, не могу вамъ сказать ничего, кроме того, что онъ есть изрядной городъ, и что здѣшняя церковь Маріи почипається высочайшею въ Германіи.

Мы проѣхали черезъ Кеслинъ и Керлинъ, два маленькие городка. Въ первомъ бросается въ глаза большое четырехугольное мѣсто со статуею Фридриха Вильгельма. Ты достоинъ сей почести! думалъ я, читая надпись. Не знаю, кого справедливѣе можно назвать *великимъ*, отца или сына, хотя послѣдняго всѣ безъ разбора *великаго*. Здѣсь должно смотрѣть только на дѣла ихъ, полезныя для государства — не на ученость, не на острыя слова, не на авторство. Кто привлекъ въ свое государство множествомъ чужестранцевъ? Кто обогашилъ его манифактурами, фабриками, искусствами? Кто населилъ Пруссію? Кто всегда опходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ всѣхъ излишностей, для того, чтобы его

его подданные не терпѣли недостатка въ нужномъ? Кто? — Фридрихъ Вильгельмъ, котораго спасшую видѣлъ я въ томъ городкѣ, гдѣ миловидная практирщица угостила насъ хорошимъ обѣдомъ. Неблагодаренъ топтъ пушечненникъ, которои забываетъ подобныя угощенія! Чѣмъ принадлежишъ до меня, что всегда буду помнить, что въ топтъ день, въ которой носились въ головѣ моей дѣла Фридриха Вильгельма, обѣдалъ я у миловидной практирщицы, и былъ доволенъ.

„Что, будетъ ли у насъ война, Господа Офицеры?,, спросилъ у моихъ товарищѣй старикъ, практирщикъ въ Керлинѣ. Не думаю, отвѣчалъ Капитанъ. „Дай Богъ, чтобы и не было! сказалъ практирщикъ: я боюсь не Австрійскихъ гусаровъ, а Рускихъ козаковъ. О! что это за люди!,, — А по чьему ты ихъ знаешь? спросилъ Капитанъ. — „По чьему? Развѣ они не были въ Керлинѣ? Ни что не уйдешь отъ ихъ пики. Къ тому же

У нихъ такія спрашныя лица, чѣмъ
меня по кожѣ подираешь, когда вооб-
ражу ихъ!,, Да вотъ Руской козакъ!
сказалъ Капитанъ, указавъ на меня.
Руской козакъ! закричалъ практирщикъ,
и ударился запылкомъ въ спѣну. Мы
всѣ засмѣялись, а практирщикъ за-
охалъ. „За эту шутку вы заплатите
мнѣ дороже, господа!,, сказалъ онъ,
взявъ кофейникъ изъ рукъ у слу-
жанки.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ раз-
бояничьихъ замковъ. Онъ лежитъ на
возвышеніи, и обведенъ со всѣхъ спо-
ронъ широкими рвами, которые пре-
жде были наполнены водою. Тутъ, въ
высокомъ перемѣ, сидѣли мать и дочь
за пяльцами, и поглядывали въ окно,
когда мужъ и отецъ какъ голодной
левъ рыскалъ по полямъ и лѣсамъ,
ища добычи. „Ѣдемъ! Ѣдемъ!,, кри-
чали онъ, и мосты гремѣли и опу-
скались — гремѣли и ояшь подымѣ-
лись — и грабитель былъ безопасенъ
въ объятияхъ своей жены и доче-
ри. Тутъ раскладывались похищенные
богат-

богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ нещастные путешественники, которые въ то путь день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземельную пещицу, въ двадцать семь сажень глубиною, гдѣ густой мракъ спирался и тяготилъ дыханіе, и гдѣ громъ дѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдной ошепѣ прибѣгалъ къ симъ широкимъ рвамъ, и смотря на сїи остырыя башни, воскликнулъ: „Опѣтайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Нещастная мать день и ночь кручится; печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Опѣтайте матери сына, и невѣстѣ жениха!„

Спой воображеніе! сказалъ я самъ себѣ, и — заплатилъ два гроша сухой спарухѣ и уродливому мальчику, которые показывали мнѣ замокъ. Онъ издавна споитъ пустой, и начинаетъ уже разваливаться.

Теперь накрываютъ намъ столъ. Ужинъ будетъ прощальной. Всѣ мои товарищи, кроме Капишана, пойдутъ

отсюда въ Штепинъ, куда мнѣ не
дорога. Вѣроятно, что намъ уже ни-
когда не видать другъ друга. Правда,
что эша мысль для меня не очень
горестна. Я бы не назвалъ Судьбы
матерью, еспѣли бы она велѣла мнѣ
всегда жить съ такими людьми. Съ
ними можно говоришь только о спро-
ахъ и тому подобномъ. И языкъ ихъ
страненъ. Не зная по - Французски,
употребляютъ они въ разговорѣ мно-
жество Французскихъ словъ, произ-
нося ихъ по своему. На прим. *Da war
eine Precipice — ich habe eine schöne Türe
gemacht — ich wollte es schanschieren*, и проч.

Къ намъ приспалъ еще молодой
человѣкъ, Почтмейстерской сынъ, ко-
торой ъдетъ учиться въ Универси-
тетъ. Услышавъ, что Офицеры
вшутку называли меня Докторомъ,
вздумалъ онъ показать мнѣ свою уче-
ность, и спросилъ у меня, какъ, *по
моему мнѣнию*, можно перевести на
Нѣмецкой Лапинское слово *ratio*? По-
томъ началъ говоришь о *духѣ язы-
ковъ*, и проч. Надобно знать, что

Ма-

Магистеръ уже отъ насъ отспалъ; а
то бы онъ не далъ ему много говорить,
Офицеры не полюбили сего ученаго
Почтмейстерскаго сына, и спарались
его дурачить. Прѣхавъ сюда, вынуль
онъ изъ кармана превеликія шпоры, и
положилъ на столъ. Офицеры, находя
страннымъ, что человѣкъ, Ѳдущій
учиться въ Университетъ, везетъ въ
карманъ не книгу, а ужасныя шпоры,
спали смеяться. Французъ подскочилъ
съ лорнетомъ, и началъ разматривать
шпоры съ великимъ вниманіемъ. Смѣхъ
умножился. Что вы находите въ нихъ?
спросилъ Капишанъ. „Знакомыя чер-
ты, съ важностию отвѣчалъ Французъ:
кажется, какъ будто бы я ихъ пре-
жде видѣлъ; однако жь нѣпѣ — я
видѣлъ только ихъ изображеніе на
эспампахъ въ Донѣ Кишопѣ.,, Тутъ
Офицеры во все горло захочопали,
а Студентъ осердился. Насмѣявшиесь
до сыта, Капишанъ сказалъ мнѣ:
„Если когда нибудь издадите вы
журналъ своего вояжа, то прошу васъ
не забыть шпоръ.,, Не забудьте

шпоръ! закричали всѣ Офицеры. Ваше желаніе исполню, отвѣчалъ я. —

Надобно сказать нѣчто о Прусскихъ допросахъ. Во всякомъ городкѣ и мѣстечкѣ, гдѣ споятъ полки, оспанавливаютъ всѣхъ проѣзжихъ при вѣзда и выѣзда, и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѿдешь? Иные вшушку сказываютъся странными и разными именами, т. е. при вѣзда однимъ, а при выѣзда другимъ, изъ чего выходятъ чудныя доносенія начальникамъ. Иной называется Луциферомъ, другой Мамономъ; третій въ городъ вѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Исаакомъ. Я не хошъ шушить, и для того Офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ притворяться спящимъ, чтобы имъ за меня отвѣчать. Иногда былъ я какой нибудь Баракоменеверусъ, и ѿхалъ отъ горы Араатской; иногда Аристидъ, выгнанной изъ Аѳинъ; иногда Альцибіадъ, ѿдущій въ Персію; иногда Докторъ Пантлосъ, и проч. и проч.

Кушанье поставили. Проспите!

Берлинъ, 15 Июня

1789.

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, другъ зъя мои; а нынѣ, къ великому своему удовольствію, получилъ отъ васъ письмо, котораго ждалъ съ такимъ несперѣніемъ. Извѣстіе, что вы осталесь здоровы, меня упѣшило, успокоило. Но на что вы иногда грустите? Этова не было въ уговорѣ. А еслѣ вы и впредь будете такъ немилоспивы къ себѣ и къ другу своему, которой за нѣсколько тысячъ верстъ берешъ участіе даже въ минувшой вашей непріятноести: то онъ, въ отмщеніе вамъ, самъ будешь грустить отъ утра до вечера.

Послѣднее письмо отправилъ я къ вамъ изъ Шпаргарда. Мы выѣхали оттуда въ полночь. Кроме Капитана, было у меня двое новыхъ товарищѣй: Офицеръ, бѣдущій въ Имперію для набора рекрутъ, и купецъ Шпаргардской. Я сѣлъ въ коляскѣ назади, на свое чмоданѣ; могъ проплануть ноги, могъ прилечь, положа

себѣ подъ голову подушки; спина моя
распрямилась, и движение крови моей
спало ровнѣе; тряская коляска каза-
лась мнѣ усыпительною колыбелью —
и я, почтая себя блаженнѣйшимъ че-
ловѣкомъ въ свѣтѣ, заснулъ крѣп-
кимъ сномъ, и спалъ до первой пере-
мѣны, гдѣ разбудили меня пить кофе.

Не доехавъ за десять миль до
Берлина, Капитанъ насъ оставилъ.
Мы прошались другъ съ другомъ какъ
пріятели, и я далъ ему слово съ-
скать его въ Кенигсбергъ, когда по-
ѣду обратно черезъ сей городъ.
„Вѣдь намъ еще надобно хоть одинъ
разъ въ жизни увидѣться!“ сказалъ онъ,
пожимая руку мою: заѣзжайте ко мнѣ,
и расскажите, что вы увидите хо-
рошаго въ свѣтѣ. „ — Хорошо, хо-
рошо, Г. Капитанъ! Будьте между
тѣмъ здоровы! — И такъ мы раз-
спались.

Въ послѣднюю ночь нашего путеше-
шествія, приближаясь къ Берлину,
начиналъ я думать, что памъ дѣлать
буду, и кого увижу. Ноцью всякий

мечты воображения бывають живые,
и я такъ ясно представилъ себѣ любез-
наго А* идущаго ко мнѣ на вспрѣчу
съ трубкою и кричащаго: *Was seh' ich?*?
Wist du es?, *Bruder Matsey?* *Willkommen*
in Berlin! что руки мои прошанулись
было обнять его; но вместо моего
дражайшаго пріятеля, которой въ сїю
минуту былъ отъ меня такъ далеко,
чуть не обнялъ я мокрой женщины,
сидѣвшей съ нами въ коляскѣ. „Но
какъ зашла къ вамъ мокрая женщина?“
Вопросъ какъ, Солице сѣло, пошелъ
дождь, и вечеръ спалъ глубокою
ночью. Вдругъ коляска наша останово-
вилась. Ширмейстеръ, сидѣвший съ
нами, выглянулъ и началъ съ кѣмъ-
то бормотать; по томъ, обернув-
шись къ намъ, сказалъ: „Господа! поз-
волите ли сѣсть въ коляску одной
честной женщинѣ и доѣхать съ нами
до первого мѣстечка, куда она идетъ
съ своимъ мужемъ? Дождь промочилъ
ее насеквъзь, и она боится занемочь.“
А хороша ли она? спросилъ Офи-
церъ, ѣдущий въ Империю. Теперь

шемно, отвѣчалъ Ширмейстеръ. Пускай се садитсѧ, сказалъ Офицеръ. Я то же сказалъ, и купецъ то же. Женщина взлѣзла къ намъ въ коляску, и была подлинно очень мокра, такъ что мы пяшились отъ нее какъ можно далѣе, боясь воды, текшой съ нее ручьями. Офицеръ вступилъ съ нею въ разговоръ, и узналъ отъ нее, что она жена портного мастера, пять лѣтъ за мужемъ, имѣетъ троихъ дѣтей, очень любитъ своего мужа, и съ нимъ никогда не разстается; что они ужинали въ гостяхъ у своего дяди, зажиточнаго купца, которой портуешъ заморскими товарами, и пошли домой пѣшкомъ для того, чтобы наслаждаться пріятностями вечера, никакъ не ожидавъ дождя; что она взяла у дяди книжку, жизнь Барона Греяка, въ которой описываются самые чудныя приключенія, и все справедливыя; что дочь дяди ихъ, которой минуло уже девятнадцать лѣтъ, однажды не спала цѣлую ночь, читая эпю книгу, а на другую ночь увидѣла

во снѣ Тренка въ цѣпяхъ, и такъ закричала, что отецъ пришелъ къ ней съ свѣчою посмотрѣть, что съ нею сдѣлалось, — и проч. и проч. Вопѣ все дѣло.

Но еспѣли я не найду его въ Берлинѣ! пришло мнѣ вдругъ на мысль — и въ самую ту минуту вспрѣпилась на мѣ коляска. Насилу могъ я удержаться, чтобы не закричать *стой!* Это вѣрно онъ, думалъ я, это вѣрно онъ! Прости! Пріѣзжай благополучно въ наше отечество, къ своимъ друзьямъ! Ты увидишь тѣхъ, кого я столь люблю; увидишь, и не скажешь имъ ничего обо миѣ! — Между тѣмъ мы пріѣхали на перемѣну. Я потчасъ пошелъ къ Почтмейстеру спросить, кто проѣхалъ въ коляскѣ. „Русской — купецъ изъ Риги, „ отвѣталъ онъ. Тутъ я готовъ былъ вспрыгнуть отъ радости, что эшо былъ не нашъ А*.

Въ нѣкоторомъ разстоянїи отъ Берлина начинается прекрасная алея изъ каштановыхъ деревьевъ, и дорога становится лучше и веселѣе. О видѣ Бер-

Берлина не льзя было мнѣ судить по тому, что безпрестанной дождь мѣшалъ видѣть далеко впередъ. У воротъ мы остановились. Сержантъ вышелъ изъ караульни насъ допрашивая. *Кто вы? Откудаѣдете? Затѣмъ прїѣхали въ Берлинѣ? Гдѣ будете жить? Долго ли здѣсь пробудете?* *Куда пойдете изъ Берлина?* Всѣ вопросы, на которые надлежало мнѣ отвѣтить. — Прекрасной городъ! думалъ я,ѣхавъ по прямымъ улицамъ. Коляска наша остановилась у почтоваго дома. Тамъ прежде всего спросилъ я у Секретаря Почты, гдѣ живетъ А*? И чѣмъ же? Съ хладнокровiemъ, совсѣмъ прошивнымъ моему неперпѣнію, отвѣталъ онъ: „Его уже здѣсь нѣтъ.” — Его здѣсь нѣтъ? — Нѣтъ, супдарь, повторилъ онъ, и началъ перебирать письма. — Гдѣ же онъ? — „Поѣхалъ во Франкфуртъ на Майнѣ. Подище къ своему Священнику; онъ вамъ можетъ сказать о немъ болѣе, нежели я.,, *Es ist hart!* сказалъ я, сѣвъ на стулъ и приложа руку ко лбу.

лбу. Секретарь взглянулъ на меня съ улыбкою. Вы думали его навѣрное здѣсь найши? спросилъ онъ. Думалъ, государь мой, отвѣчалъ я, — думалъ, и обманулся. Съ сими словами вскочилъ я со стула, и хошѣлъ ити вонъ. „Поспойте, сказалъ Секретарь; надобно осмотрѣть вашъ чемоданъ. „Чемоданъ мой принесли, заглянули въ него, и я всунулъ осмотрщику въ руку восемь грошей, и велѣлъ вести себя въ Roi d'Angleterre. Солдатъ взвалилъ себѣ на плеча мой скарбъ, а я пошелъ за нимъ, думая: „Надобно было ему уѣхать тогда, когда я прїехалъ! И такъ я мечталъ, воображая, какъ съ нимъ здѣсь увижуясь, и что скажу ему! Больно такъ обманываться!„

„Жаль, жаль, государь мой — сказалъ мнѣ Г. Блумъ, шрактирщикъ Английскаго Короля въ братской улицѣ — жаль, что у меня нѣтъ теперь для васъ мѣста. Въ домѣ моемъ заняты всѣ комнаты. Вы, думаю, знаете, что къ нашему Королю прїехала

госплья , его сестрица. Въ Берли-
нѣ будутъ праздники , и многіе го-
спода прїѣхали сюда на это время.
Новѣрише ли , что я нынѣ отказалъ
уже десяти человѣкамъ ?,, — И такъ,
Г. Блумъ — — „Вы изъ Россіи прї-
ѣхали ?,, — Изъ Россіи. И такъ —
„У васъ все воиною занимаются ?,, —
Да , Г. Блумъ , у насъ войны. И такъ
мнѣ оспаешся — — „Послушайше :
теперь только опросталась у меня
одна комната , и вы можете занять
ее. Что же у васъ съ Турками дѣ-
лается ?,, — Прикажите мнѣ указать
комнату ; а послѣ , если угодно —
— „Очень хорошо ! очень хорошо !
Пойдемте , пойдемте !,, Онъ привелъ
меня въ маленькую горенку съ однимъ
окномъ. „Не правда ли , что она очень
хороша и очень уютна ?,, Я доволенъ ,
Г. Блумъ. — Тутъ пришелъ ко мнѣ
фельдшеръ , парикмахеръ. Г. Блумъ
отъ меня не выходилъ , безпрестанно
говорилъ , и наконецъ мнѣ же вздумалъ
рассказывать , что у насъ въ Россіи
дѣлается . Послушайше , Г. Блумъ ,
ска-

сказалъ я: это все писано къ вамъ отъ первого числа Апрѣля по старому или по новому стилю. —

„Какъ, государь мой!,, — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, — взялъ просьбу и пошелъ со двора, пожавъ руку у Г. Блума.

Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ — сюю испину живо чувствовало мое сердце, когда я шелъ къ Д*. Какъ желалъ я найти въ немъ хотя часть любезныхъ свойствъ нашего А*! Какъ желалъ я полюбить его, и по томъ говорилъ съ нимъ со всею дружескою искренностию, свойственою моему сердцу! — Благодарю Судьбу! Я нашелъ, чего желалъ — нашелъ въ Д* любезнаго, добродушнаго, искренняго человѣка. Онъ любитъ свое опечество, и я люблю его; онъ любитъ А*, и я люблю его; онъ сроденъ къ откровенности, и я тоже: и такъ долго ли было намъ познакомиться? Мы проговорили съ нимъ до вечера, и онъ пошелъ меня провожать.

Лишишь только вышли мы на улицу, я долженъ быль зажать себѣ носъ отъ дурнаго запаха, которой происходить отъ всякой нечистоты, сливающейся въ каналы. Для чего бы ихъ не чистить? Неужели нѣтъ у Берлинцевъ обонянія? — Мы пошли черезъ славную липовую улицу (*die Straße unter Linden*), которая въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ срединѣ посажены липовые алеи для пѣшихъ, а по споронамъ мостовая. Чище ли здѣсь живутъ, или чаще каналы чистятъ, или испаренія липъ испребляютъ нечистоту въ воздухѣ — только въ сей улицѣ не чувствовалъ я никакого непріятнаго запаха. Домы не такъ высоки, какъ нѣкоторые въ Петербургѣ, но очень красивы. По аллеямъ, которыя проспираютъ въ длину шаговъ на тысячу или болѣе, прогуливались много людей. Мы раза два прошли по сей улицѣ, а по томъ землякъ проводилъ меня до дому.

Лишишь только я въ своей комнатѣ расположился пить чай, пожаловалъ

ко мнѣ Г. Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на это опечатать, сказалъ онъ, подавая мнѣ сюю бумажку. Я увидѣлъ пушъ всѣ тѣ вопросы, которые дѣлали мнѣ при вѣзде въ городъ, съ прибавленіемъ одного: *Вѣдь какія ворота вы вѣхали?* Всѣ сїи вопросы напечатаны, и мнѣ надлежало подъ каждымъ подписывать опечаткъ. „Я долженъ это послать въ Полицію, сказалъ трактирщикъ: а倘ъ посмотрятъ, то ли вы сказали о себѣ у городскихъ воротъ, что здѣсь напишете. По тому публикують о васъ въ Вѣдомостяхъ.,,

Нынѣ поутру ходилъ я съ *Д** осматривать городъ. Его по справедливости можно назвать прекраснымъ, по регулярности улицъ и по хорошимъ зданіямъ. Къ украшенію города служатъ также большія площади: *Вильгельмова*, *Жандармскаго*, *Дензогскаго* и проч. На первой стоятъ четыре большія мраморныя статуи славныхъ Прусскихъ Генераловъ: Шверина, Кейпа, Винтерфельда и Зейдлица.

лица. Шверинъ и Кейпъ изображены въ Римскомъ плащѣ. Послѣдній держитъ въ рукѣ знамя, съ которымъ онъ, въ жаркомъ сраженіи подъ Прагою, бросился на непріятеля, закричавъ своему полку: *дѣти! за мною!* Тутъ умеръ онъ смертю Героя, и Король сожалѣлъ о потерь сего искуснаго и храброго Генерала болѣе, нежели о потерь двадцати тысячъ воиновъ. — Фридрихъ, принявъ Кейпа въ свою службу, сказалъ: я *много выигралъ*. Фридрихъ зналъ людей, и Кейпъ оказалъ ему важныя услуги. — Говорятъ, что Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ похожъ на Винтерфельда. Я не имѣлъ щастія видѣть нашего Задунайскаго Героя, и по тому не могъ искать сего сходства въ хладномъ мраморѣ, изображающемъ Винтерфельда. — Зейдлицъ былъ любимецъ Королевской, пылкой, отважной воинъ. Отдавая справедливость его достоинствамъ, порицають въ немъ некоторые слабости, и говорятъ, что онъ были причиной прежде-

преждевременной смерти его. Онъ умеръ не на полѣ чести, а на одрѣ мучительной болѣзни. Фридрихъ пущилъ о немъ, какъ о своемъ любимцѣ. — Винтерфельдъ и Зейдлицъ изображены въ своихъ мундирахъ. — Такимъ образомъ Фридрихъ хотѣлъ во мраморѣ предать вѣкамъ память своихъ полководцевъ. Юлой воинъ, смотря на ихъ изображенія, чувствуетъ желаніе подражать Героямъ, и по томъ жить въ памяти у потомства. Я самъ люблю разсматривать памятники славныхъ людей, и при семъ случаѣ представлять себѣ дѣла ихъ. — На такъ называемомъ *длинномъ мосту*, черезъ рѣку Шпре, споитъ изъ мѣди вылишой монументъ Фридриха Вильгельма великаго. Когда Русскія войска вошли въ Берлинъ, то нѣкоторые изъ солдатъ въ забаву рубили его пугаками. Мнѣ показывали сїи оставшіеся знаки, которые возбуждаютъ въ Берлинцахъ непріятное воспоминаніе.

По томъ пошли мы въ Королевскую Библіотеку. Она огромна —

и вотъ все, что я о ней сказать могу. Преимущественно передъ прочимъ занимало меня богатое анатомическое сочиненіе со изображеніями всѣхъ частей человѣческаго тѣла. Покойной Король заплатилъ за оное 700 шалеровъ. Есть довольно восточныхъ рукописей, на которыхъ я только взглянулъ. Показывали мнѣ еще Лютеровъ Нѣмецкой манускриптъ; но я почти совсѣмъ не могъ разобрать его, не читавъ никогда рукописей того вѣка. — Книги давать на дому запрещено; однако жь извѣстной человѣкѣ, давъ помощнику Библіотекарскому нѣсколько грошей, можетъ получить нѣкоторыя. Такимъ образомъ Д* взялъ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть. Библіотекою управляетъ нынѣ Г. Докторъ Бистеръ, которой и живетъ въ семъ большомъ дому.

За столомъ у Господина Блума сидѣло человѣкъ тридцать: Офицеровъ, купцовъ тушошнихъ и иностранныхъ, и важныхъ Саксонскихъ Баро-

Бароновъ, прѣхавшихъ въ Берлинъ на
праздники. Теперь все приготвляется
ко вспрѣчѣ Штапгальтерши, кото-
рая послѣ завтра будеТЬ сюда изъ
Потсдама вмѣстѣ съ Королемъ. Обѣ
этомъ только и говорятъ; да о раз-
бойникахъ, которые близъ Ораніен-
бурга разбили почту. — Послѣ обѣда
принесъ мнѣ Д* письмо отъ васъ,
друзей моихъ, и по томъ пошли мы
въ звѣринецъ. Онъ проспирается отъ
Берлина до Шарлоттенбурга, и состо-
итъ изъ разныхъ алей, изъ которыхъ
однѣ идутъ во всю длину его, другія
поперегъ, иная вкосъ и перепутыва-
ются: прекрасное гульбище! Долго
искалъ я той алеи, о которой нѣ-
когда нашъ А* писалъ ко мнѣ слѣду-
щее: „Я нашелъ въ звѣринцѣ дли-
ную алею, состоящую изъ древнихъ
соснъ; мрачность и непремѣняющаяся
зелень деревъ производитъ въ душѣ
нѣкоторое священное благоговѣніе.
Не забуду я одного утра, когда,
прогуливаясь въ звѣринцѣ одинъ, и
предавшись спрѣмленію своего вообра-

женія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ предствавленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сю алею. До сего мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но тутъ вдругъ исчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собою сей путь мрачности. Только вдали при выходѣ виденъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня, произведя во мнѣ нѣкое ужаса исполненное содроганіе. Не есть ли — думалъ я — не есть ли тьма ся изображеніе твоего со-
споянія, когда ты, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстной тебѣ путь? Мысль ся такъ во мнѣ усилилась, что я уже представилъ себя облегченаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали свѣща-
щемуся свѣту, и — — Съ того времени всякой разъ, когда бываю въ звѣринцѣ, захожу въ сю алею, и часто поминаю тебя.,, Любезной ме-
ланхоликъ! я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сю алею, и сподѣлъ мо-
жетъ

желѣ бытъ точно на томъ мѣстѣ, гдѣ
ты обо мнѣ думалъ. Можешь быть
ты опять здѣсь споять будешь, но я
буду далеко, далеко отъ theeя. — Въ
звѣринцѣ много кофейныхъ домовъ. Мы
заходили въ одинъ изъ нихъ, чтобы
утолить жажду бѣлымъ пивомъ, кото-
рое мнѣ очень не полюбилось. — Садъ
Принца Фердинанда, въ которой мы
прошли изъ звѣрина, отворенъ для
всѣхъ порядочно одѣтыхъ людей. Я
не взялъ бы тысячи такихъ садовъ за
звѣринецъ. Тутъ вспрѣтился намъ
самъ Принцъ, и съ угрюмою миною
оплатилъ намъ поклонъ. — Быть
часъ.

Іюля 1.

Нынѣ поутру, побывавъ у Го-
сподина М **, къ которому было у
меня письмо изъ Москвы, поѣхалъ я
къ извѣстному Николаю, Азтору и
книгопродавцу, живущему въ той же
улицѣ, гдѣ я живу, т. е. въ *Widener-
straße*. Онъ вспрѣтилъ меня съ такою
ловкостью, съ такою учтивостію,

какой бы же льзя было ожидать отъ Нѣмецкаго Ученаго и книгопродавца.
„Васъ знаютъ и въ Россіи, сказалъ я
ему: знають, что Нѣмецкая Литера-
тура вамъ во многомъ обязана. Прѣ-
ѣхавъ въ Берлинъ, спѣшилъ я прежде
всѣхъ видѣть друга Лессингова и Мен-
дельзонова.,, Вы мнѣ много чести дѣ-
лаете, отвѣчалъ онъ съ улыбкою,
и посадилъ меня на софъ. Съ пуш-
еспѣнникомъ всего ближе говорить
о путешесвїяхъ; и такъ, услышавъ,
что я ѿду въ Швейцарію, началъ онъ
говорить со мною о тѣхъ удоволь-
спѣвїяхъ, которыя можно имѣть въ
сей примѣчанія достойной землѣ, где
онъ самъ былъ за нѣсколько лѣтъ
передъ симъ. По томъ обратилъ я
разговоръ на Берлинской Іезуицизмъ.
Надобно знать, что съ нѣкотораго
времени начали писать въ Германіи
— или, лучше сказать, въ Берлинѣ,
и Николай первой подалъ къ тому
мысль — будто есть тайные Іезуи-
ты, которые всѣми силами спара-
жуются снова подчинить себѣ Европу;
будто

будто Калмюстпро и подобные суть
ихъ миссіонеры, посланные въ міръ
съ тѣмъ, чтобы, обольщая легковѣр-
ныхъ людей пышными обѣщаніями,
порабощать ихъ властіи тайныхъ Іе-
зуитскихъ начальниковъ, и проч. и
проч. Съ сего времени спали вездѣ
искать скрытыхъ Іезуитовъ: между
Учеными и исученными, между Па-
спорами и солдашами. Въ сочине-
ніяхъ нѣкоторыхъ Писателей нашли
что - то Іезуитское. Началась ужас-
ная война, и Берлинской Журналъ,
издаваемой Бисперомъ и Гедике, из-
бранъ былъ шеапромъ сей войны. Съ
Іезуитизмомъ слили въ одно Капо-
лицизмъ; доказывали, что *тотъ* и *тотъ*
изъ извѣстныхъ Протестантскихъ
Ученыхъ тайно приняли Католическую
Религію; что они опасныя люди, и
проч. Тѣ, которыхъ наименовали,
разсердились и начали браниться или
отбраниваться, доказывая, что Бер-
линцы бредятъ. Все это еще и по-
нынѣ продолжается. — Вотъ что ска-
залъ мнѣ Николай:

„Извѣстно, что Иезуиты имѣли
вездѣ связи; что у нихъ были свои
банки, свои банкиры. Орденъ ихъ хотя
и находился подъ покровительствомъ
Папы, но дѣль его была шайная, и со-
крывалась во внутренности онаго. Па-
па, лишивъ Орденъ своего покровитель-
ства, могъ ли уничтожить существо-
ство его? Могъ ли заставить внутреннихъ
начальниковъ, или хранителей шайны,
отказаться отъ своей дѣли? Уже ли
закрылись всѣ шайные каналы, черезъ
которые они дѣйствовали? Уже ли
исчезли всѣ банки ихъ? — Я пред-
ложилъ свои чаянія, и хотѣлъ толь-
ко возбудить вниманіе къ сему пред-
мету. Гипотеза моя, казалось, мо-
гла изъяснить нѣкоторыя явленія
нашихъ временъ. — Что принадле-
житъ до Католицизма, то всякой
Протестантѣ имѣетъ причину не-
желать его распространенія. Мы, —
слава Богу! можемъ обо всемъ разсу-
ждать, можемъ пользоваться своимъ
разумомъ; но духъ Католицизма не
щерпитъ никакой свободы въ умствово-

маніяхъ, и налагаетъ цѣпи на разумъ. Есپыли вы читаете книги, выходящія въ Германіи, то конечно замѣтили великую разность между тѣми, ко- торыя печатаются въ Протестант- скихъ земляхъ, и между тѣми, ко- торыя въ Католическихъ выходятъ: гдѣ болѣе просвѣщенія?,, — Все это очень хорошо, сказалъ я; но за чѣмъ бы съ такою жестокостю писать противъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того только, что они сомнѣваются въ существова- нїи тайныхъ Иезуитовъ, и въ томъ, чтобы Католики могли нынѣ быть опасны Протестантамъ? Признаешься вамъ, я не могъ безъ досады читать колкаго отвѣта Доктора Бистера Господину Гарве, одному изъ первыхъ вашихъ Философовъ, которой съ такою скром- ностью предложилъ свои сомнѣнія. — Однако жь Гарве, отвѣчалъ Николай, перемѣнилъ нѣкоторыя свои мысли о семъ предметѣ; мы съ нимъ нарочно для этого видались. Точно не надобно думать, чтобы Католики нынѣ со-
всѣмъ

всѣмъ перестали спасться обращать
Протестантовъ въ свое исповѣданіе.
Извѣстно ученіе ихъ церкви, что
внѣ ся нѣтъ спасенія; и такъ они,
по нѣкоторому человѣколюбію, хотятъ
распространить ся область. Однимъ
словомъ, осторожность была нужна.

— Впрочемъ всякой отвѣтъ только
ко за себя. Естьли нѣкоторые зашли
слишкомъ далеко, я не виноватъ.
Только во многомъ настѣ хотятъ кри-
во толковать, къ чему Шпаркъ (*)
и подобные имѣютъ свои причины.
Правда, что дѣло, дѣлаемое съ до-
бримъ намѣреніемъ, можетъ имѣть
нѣкоторыя худыя слѣдствія; но есть-
ли оно имѣетъ несравненно болѣе
добрыхъ, то не льзя не назвать его
добримъ дѣломъ.,, — Завтра ѿдетъ
Николай къ водамъ. Путешествіе есть

для

(*) Придворной Дармштадской Проповѣдникъ,
котораго Берлинцы провозгласили шайнымъ Ка-
толикомъ, Іезуитомъ, мечтащемъ; которо-
й судился съ Издательми Берлинскаго Жур-
нала гражданскимъ судомъ, но проигралъ свой
проигралъ, и по томъ писалъ цѣльд книги про-
живъ своихъ обвинщелей.

для меня лекарство, сказалъ онъ. На карточкѣ записалъ я ему свое имя, и пожелалъ ему щастливаго пушки. По томъ онъ такъ же учтиво проводилъ меня, какъ вспрѣшилъ. — Жаль, что онъ ёдетъ. Я хотѣлъ бы больше поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ въ досужные для него часы. Признаться, сердце мое не можетъ одобрить шона, въ которомъ Господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искать терпимости, еспѣли самые Философы, самые просвѣтили — а они такъ себя называютъ — оказываютъ сполько ненависти къ тѣмъ, кото-рые думаютъ не такъ, какъ они? Тотъ есть для меня истинной Фило-софъ, кпо со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ; кпо любитъ и тѣхъ, кото-рые съ нимъ разно думаютъ. Дол-жно показывать заблужденія разума человѣческаго, съ благороднымъ жа-ромъ, но безъ злобы. Скажи че-ловѣку, чпо онъ ошибается, и по чему; но не поноси сердца его, и не назы-вай его безумцемъ. Люди, люди!

подъ

подъ какимъ предлогомъ вы себя не
мучите! — Лафаперъ есть одинъ
изъ пѣхъ, кошорыхъ Берлинцы бра-
няшъ при всякомъ случаѣ; и еспѣли
онъ у нихъ не совершенной Іезуитъ,
то по крайней мѣрѣ великой мечта-
тель. Я къ Лафаперу не пристра-
щенъ, и обо многомъ думаю совсѣмъ
не такъ, какъ онъ думаетъ; одна-
ко жь увѣренъ, что его Физіономиче-
сکіе Фрагменты будутъ читать и
тогда, когда забудутъ, что жилъ
на свѣтѣ почтенной Докторъ Би-
сперъ. Но оставимъ ихъ. — Что
приналежитъ до Николаевой наруж-
ности, то въ ней хотя и нѣтъ ни-
чего особенно привлекательнаго, одна-
ко жь есть что - то почтенное. Онъ
высокъ, худощавъ, смуглъ. Лафа-
перъ въ Физіономикѣ своей гово-
ришъ, что высокой лобъ его показы-
ваетъ весьма разсудительнаго чело-
вѣка.

У Г. Блума живетъ одинъ мѣ-
лодой Шведской купецъ. Нынѣ, ко-
гда мы сидѣли за столомъ, пришелъ
къ

къ нему Секретарь ихъ Посольства, и вызвалъ его. Минутъ черезъ пять возвратился нашъ Шведъ съ веселую улыбкою, и объявилъ всему столу, что Шведы въ одномъ дѣлѣ одержали верхъ надъ Рускими. Секретарь Датского Посольства, которой тушъ же обѣдалъ, началъ смеяться надъ его патріотическою ревностію. Прусскіе Офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но Шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще въ самомъ ли дѣлѣ одержали вы верхъ! сказалъ Датчанинъ (*): мы подождемъ подтвержденія. Какова подтвержденія! закричалъ Шведъ: я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смеялся, а Шведъ горячился. Между тѣмъ Г. Блумъ, сидѣвшій подлѣ меня, крайне мезя упрашивалъ не входить въ разговоръ. „За чѣмъ вамъ тушъ мѣшались? Вы видите, что Шведъ очень горячъ. Сохрани Боже, еспѣли бы чтонибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!“

(*) Наконецъ въ самомъ дѣлѣ вышло, что службѣ сей былъ несправедливъ.

домъ! „ Я увѣрялъ его , что сео-
ры у насъ не будеъ; но послѣ спо-
ла не могъ утерпѣть , чтобы не по-
дойти къ Шведу и не вступить съ
нимъ въ разговоръ. Г. Блумъ тошчасъ
подлешилъ къ намъ , и посматривалъ
на насъ поперемѣнно , будучи готовъ
запушить огонь при первомъ воспы-
ланїи онаго. Однако жъ мы довольно
спокойно разговаривали. Шведъ былъ
въ Россїи , и по мундиру моему тош-
часъ узналъ , что я Руской. Я дол-
женъ былъ при началѣ войны выѣхать
изъ Петербурга , сказалъ онъ , хотя
я очень хотѣлось пожищь тамъ по-
долѣе. Жалуйтесь на своего Короля ,
оправчалъ я , которой обѣявилъ намъ
войну безъ всякой справедливой при-
чины. Тутъ Блумъ дернулъ меня за
полу , боясь , чтобы Шведъ не раз-
сердился ; но онъ съ улыбкою сказалъ :
Короли поступаютъ не по шѣмъ пра-
виламъ , по которымъ мы , частные
люди , поступать должны. „Это гово-
ритъ Фридрихъ , проворчалъ сквозь
зубы Прусской Маіоръ , сидѣвшій за-

столомъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ А*, и Г. Блумъ былъ очень радъ, что я убрался въ свою комнату. Онъ боялся поединка.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующемъ
мѣсяцѣ.)

ЛИЛЯ и РОЗА (*).

Скажите мнѣ, дочери грубой, черной земли, кто вамъ далъ красоту вашу? ибо вѣрно образованы вы нѣжными пальцами. Какие маленькие Геніи вылетающіе изъ чашечекъ вашихъ? И какое удовольствіе вы чувствовали, когда богини на листочкахъ вашихъ качались? Скажите мнѣ, мирные цвѣточки, какъ онѣ дѣлили между собою веселую свою работу, и, украшая ткань свою толь многообразно, улыбкою хвалили другъ друга?

Но вы молчите, милые цвѣточки, и наслаждаетесь бытіемъ своимъ. Пусть же

(*) Сочиненіе Гердера, славнаго Нѣмецкаго Теолога, Философа и Поэта. Изданіе благородистъ Особу, благоволившую сообщить ему чей переводъ. — К.

же поучительная баснь разскажетъ мнѣ то, чего вы сказать не хотите.

Когда явился шаръ земной въ видѣ голаго еще камня, полна дружныхъ Нимфъ наносила на него дѣвственную землю, и услужливые Генii готовы были покрыть голый камень цвѣтами. Ихъ было много, и всякой взялъ на себя особое дѣло. Подъ снѣгомъ еще и въ холодной низкой травѣ, скромное *Смирение* начало свое дѣло, и сопкало прячущуюся фіялку. За нимъ послѣдовала *Надежда*, и наполнила прохладными парами маленькия чашечки освѣжающаго гіацинта. Видя успѣхъ толь щасливый, выступилъ весь гордящійся, пышный хоръ красотъ многоцвѣтныхъ. Тюльпанъ поднялъ свою головку; нарцисъ смотрѣлъ вокругъ себя пшенично-томящимся окомъ.

Множество иныхъ богинь и Нимфъ спарались многоразличными образами украшать землю, и радовались, любуясь прекраснымъ своимъ дѣломъ.

Но какъ сїи цвѣтки по большой части уже опцвѣли, а съ ними опцвѣла

и слава ихъ и радость богинь: тогда Венера сказала своимъ Граціямъ: „Что „вы медлише, сестры пріятности? „Сопкише и вы изъ своихъ пре- „лесей какой нибудь смертный, „видимый цветокъ. „Онъ сошли на землю. Аглая, Грація невинности, образовала лилію; Талія и Евфрозина вмѣстѣ сопкали цветокъ радости и любви, девственную розу.

Многіе цветки, полевые и садовые, завидовали другъ другу; лилія и роза не завидовали никому, но имъ все завидовали. Какъ сестры, распушъонѣ вмѣстѣ на одномъ лугу богини Горы, и другъ друга украшаютъ. Цветокъ невинности возвышаетъ красоту невѣсты любви и радости; ибо Граціи, родныя сестры, сопкали ихъ вмѣстѣ.

Дѣушки! и на вашихъ лицахъ цветутъ лиліи и розы. Да обишаютъ на нихъ и Граціи, невинность, радость и любовь, также вкупе и неразлучно!

НОЧЬ и ДЕНЬ.

Ночь и День спорили между собою
• преимущество. День, пылкой,
блестящей отрокъ, началъ споръ.

Бѣдная, темная ночь! говорилъ
онъ: есть ли у тебя что такое,
какъ мое солнце, какъ мое небо,
какъ мои луга, какъ моя дѣятельная
жизнь, незнающая отдохновенія? Я
возбуждаю то, что ты умерѣвляешь,
къ чувствованію новаго бытія; что
ты разслабляешь, потому я живость
сообщаю. —

Но всегда ли благодарятъ тебя
за то? сказала скромная покровенная
Ночь. Не я ли освѣжаю то, что ты
утомляешь? и не должно ли мнѣ для
сего по большой части приводить
тебя въ забвеніе? — Но я, мать
боговъ и человѣковъ, прѣемлю все
рожденное мною, къ удовольствію
своему, на лоно мое; все, какъ скоро
коснется края одежды моей, забы-
ваешь всѣ твои призраки, и съ прѣ-
жностію главу свою склоняешь.
Я возвышаю успокоившуюся душу,

и пишаю ес небесною росою. Сама я
иокровенна; но оку, никогда не дерзав-
шему при птицахъ солнечныхъ лучахъ
смотрѣть на небо , открываю безчи-
сленные строи солнцъ , безчисленные
образы, новыя надежды и новыя звѣзды.

Говорливый День коснулся края
одежды ея, умолкъ, и пальцы самъ на все-
объемлющее лоно. Но она, въ мантии
усѣянной звѣздами, въ звѣздномъ вѣнцѣ,
сидѣла; вѣчное спокойствіе на лицѣ ея.

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ.

Графъ Ольсбахъ, Комедія въ
пяти дѣйствіяхъ, сотиненная Нѣмец-
кимъ Жактеромъ Брандесомъ. — Вопръ-
содержаніе піесы :

Графъ Ольсбахъ, Генералъ, во
время войны шайно женился на Эми-
ли, дочери одного Полковника, слу-
жащаго въ непріятельской арміи. Въ
самую первую ночь послѣ ихъ брака
нападаютъ на городъ непріятели.
Графъ, оставляя супругу свою, спѣ-
шилъ оправить ихъ; но онъ долженъ

Ч 3 усту-

уступить силъ и спасаться съ своими солдатами, которые, боясь, чтобы побѣдители не погнались за ними, зажгли городъ. Скоро заключаюшъ миръ. Графъ освѣдомляется о своей супругѣ, и узнаетъ, что домъ, въ которомъ она осталась, превратился въ пепелъ, и что по всей вѣроятности и она сгорѣла. Тутъ начинается Драма. Графъ въ отчаяніи идетъ въ отставку. У него есть сестра, есть другъ; онъ хочетъ соединить ихъ, по томъ удалившись отъ свѣта, и въ уединеніи проливать слезы о своей любезной, погибшей Эмиліи. Но Эмилія жива. Она спасена отъ пламени отцемъ своимъ, которой съ своею командою взялъ томъ городъ, гдѣ Ольсбахъ ее оставилъ. Между тѣмъ отправляютъ храбраго Полковника безъ жалованья. Эмилія оплакиваетъ своего супруга, котораго она почтаетъ убитымъ въ сраженіи, и прѣѣзжаетъ съ отцемъ своимъ въ самой томъ городѣ, гдѣ живетъ Ольсбахъ. Но она не знаетъ его подѣсимъ именемъ

ись; потому что онъ уже по разлуку съ нею получилъ прозвище Графа и принялъ фамилию Ольсбаха. Полковникъ, отецъ Эмилии, сказывалъ въ семъ городѣ не своимъ именемъ, и живетъ съ дочерью въ крайней бѣдности. Графиня, мать Ольсбахова, слыша о нещастномъ ихъ положеніи, хочеши помочь Эмилии, призываешь ее къ себѣ, и узнаешь, что она супруга ея сына, о которой онъ сполько слезъ проливаетъ. Тутъ конецъ въсѣмъ горестямъ; супруги соединяются, и едва вѣрятъ своему щастію. Другъ Графской женился на сестрѣ его. —

Мудрено было изъ сей матерii сочинить Драму въ пять дѣйствiй. Авторъ, чтобы умножить число сценъ въ пiесѣ, вводитъ нѣсколько дѣйствующихъ лицъ, которыя въ самомъ дѣлѣ не нужны. На прим. на что молодой Баронъ, воспитанникъ Графской? На что управитель Кульпель? — Правду сказать, пiеса вообще слаба и не очень связна. Въ ней нѣть никакой

завязки, а по тому и порядка въ
 дѣйствіи. Въ характерахъ не найдешь
 ни одной сильной черты. Печальной
 Ольсбахъ мало трогаетъ зрителя;
 для того что онъ печалился слишкомъ
 обыкновеннымъ образомъ, и не
 сказываетъ намъ ничего такого, что
 бы почертнuto было изъ глубины
 сердца человѣческаго. Что принад-
 лежитъ до Полковника, то не въ
 одной уже пѣсѣ изображался намъ
 старой, заслуженной Офицеръ, ко-
 торой почитаетъ честь выше всего
 на свѣтѣ. Здѣсь новое только то,
 что Брандесовъ Полковникъ раза три
 принимается плакать; чего бы не лъзя
 было ожидать отъ такого твердаго,
 мужественнаго характера. — Авторъ
 хотѣлъ представить добродѣтель Эми-
 лии въ искушениі; но если хотѣлъ
 онъ тронуть зрителя, и возбудить
 въ немъ почтеніе къ своей Героинѣ,
 то бы не Кульпелю, бывшему Граф-
 скому управителю (котораго лице,
 по словамъ Полковника, было вывѣ-
 скою безчестной души) надлежало
 иску-

искушать ея добродѣтель. — Заключеніе третьяго акта, гдѣ Полковникъ со шпагою бросается за Кульпелемъ, живо и достойно похвали. Всего же непріятнѣе та сцена, гдѣ сестра Графская, оставя Эмилію въ другой комнатѣ, приходитъ такъ не кспати издѣваться надъ горестю своего брата.

Г. Лапинъ представлялъ Ольсбаха, Г. Померанцевъ Полковника, Гж. Марья Синявская Эмилію, а Гж. Ульяна Синявская сестру Графскую. Всѣ они были аплодированы.

Переводъ достоинъ похвалы. Только жаль, что Г. Переводчикъ употребляетъ слова *sie* и *one*, что на Театрѣ бываетъ всегда пропивно слуху. Употребляемъ ли мы сїи слова въ разговорахъ? Еспѣли нѣтъ, то и въ Комедїи, которая есть представленіе общежитія, употреблять ихъ не должно. Чѣмъ слогъ театральной пїесы натуральнѣе и простѣе, тѣмъ лучше.

О КНИГАХЪ.

Философа Рафаила Гитлоде странствованіе сѣ новомѣсѣ свѣтѣ и описание любопытства достойныхъ призываиїй (!!) и благоразумныхъ установленій жизни миролюбиваго народа острова Утопіи. Переводъ съ Англійскаго языка. Сочиненіе Томаса Мориса (Моруса). Въ Санктпетербургѣ у Шнора 1790 года.

Томасъ Морусъ, великой Канцлеръ Англіи во время правленія Генриха VIII, былъ одинъ изъ величайшихъ Политиковъ и ученѣйшихъ людей своего вѣка, правда, не науками, не просвѣщеніемъ славнаго. Извѣстенъ трагической конецъ сего мужа. Когда Король отспалъ отъ Римской церкви, и требовалъ, чтобы подданные клятвенно признали его главою Англиканскаго исповѣданія, то Морусъ ни за что не хощѣлъ дать сей клятвы; прозьбы друзей и супруги не могли

поколебать его, и онъ лучше хотѣлъ умереть на эшафотѣ, нежели измѣнить Папѣ. *Утопіа* есть одно изъ его сочиненій, публикованныхъ въ шестомъ и седьмомъ - надеяясь вѣкѣ на Латинскомъ языке. Сїя книга содержитъ описаніе идеальной или мысленной республики, подобной республики Платоновой; но только слогъ Англичанина не есть слогъ Греческаго Философа. Сверхъ того многія идеи его одна другой пропиворѣчатъ, и вообще никогда не могутъ быть произведены въ дѣйствіо. Краткое извлеченіе изъ книги можетъ быть не прописано Чиппелю.

Морусъ, бывъ въ Анверсѣ, познакомился съ однимъ Философомъ, которою проѣхалъ весь свѣтъ изъ конца въ конецъ, и вездѣ наблюдалъ нравы, обычаи и политическія учрежденія народовъ. Морусъ, удивляясь его опытной мудрости, желаетъ, чтобы Философъ взялъ на себя какую нибудь гражданскую должность, и черезъ то былъ бы полезенъ обществу

же только своими разсужденіями, но и дѣлами. Философъ не хочетъ о томъ и слышать.,, Я буду совершен-но бесполезенъ, говоритъ онъ: я могу только совѣтовать; но конечно никто не приметъ моихъ совѣтовъ, потому что люди уже привыкли къ старому, и боятся всякой новизны.,, Тутъ разсказываетъ онъ, какимъ образомъ въ домѣ Архіепископа Мортона въ Англіи хотѣлъ онъ доказать одному законнику, что за воровство надобно людей не вѣшать, а отдавать въ работу, черезъ которую могутъ они еще быть полезны государству. Онъ изслѣдуетъ причины воровства, и утверждаетъ, что пока не испре-бяется сїи причины, до того и воров-ство не испробится, не смотря на всю жестокость наказанія. По томъ говоритъ онъ съ Морусомъ о ложной политикѣ Министровъ и пр. и пр.; что все въ шестомъ-надесять вѣкѣ могло быть ново. Тутъ доходитъ дѣло до Платона и до общественно-сти гражданского имѣнія, которой воз-

можность и полезность стараешься
онъ доказывать всѣми силами. „ Я
видѣлъ такую землю, говорить онъ,
гдѣ люди живутъ, какъ имъ жить
должно. „ Сія земля есть остръвъ
Уточія въ новомъ свѣтѣ. Морусъ
проситъ его описать ему сю землю.
Философъ охотно исполняетъ его
прозѣу. Сія Республика состоимъ
изъ 54 городовъ, изъ которыхъ одинъ
есть главной, и лежитъ въ равномъ
разстоянїи отъ всѣхъ прочихъ. Горо-
да управляются судьями, избираемы-
ми всѣми гражданами; они имѣютъ
попеченіе о потребностяхъ общества.
Въ главной городѣ ежегодно съезжа-
ются депутаты, изъ каждого города
по три человѣка, и разсуждаютъ о
дѣлахъ Республики. Нѣкоторые изъ
гражданъ живутъ въ деревняхъ, обра-
бопывающъ землю и снабжающъ горо-
да хлѣбомъ; однако жь они перемѣ-
няются, и другіе изъ города на мѣ-
сто ихъ прїезжаютъ. Каждое семей-
ство имѣетъ свой домъ; но черезъ
десѧть лѣтъ всѣ граждане меняются

домами по жеребью. У нихъ есть общи залы, въ которыхъ они обѣдають и ужинаютъ вмѣстѣ, и за обѣдомъ обыкновенно ѳдятъ мало, чтобы послѣ бысть способными ко всяkimъ упражненіямъ. Всегда, когда они ѳдятъ, кремипъ восхитительная музыка и курящая благовонія. За споломъ старые говорятъ, а молодые слушаютъ. Есть у нихъ игры въ часы отдохновенія, игры полезны для души или тѣла. Женатые и замужнія ходятъ въ платье опличномъ опѣ платья холостыхъ и девушекъ. Любовь есть душа браковъ ихъ. Нѣтъ тамъ ни замковъ ни ключей, для того что нѣтъ воровъ. Бывають судные дѣла, которыя рѣшатся всегда справедливо. Судьи, разсуждая о дѣлѣ, по закону должны всегда откладывать рѣшеніе до другаго дня, чтобы имѣть время подумать. У нихъ есть прекрасныя больницы, въ которыхъ наилучшимъ образомъ ходятъ за больными. Докторовъ много, и Доктора всѣ искусные. Кроме Медицины, знаютъ они и другія науки, пре-

преимущественно полезных человѣку: Физику, Астрономію и пр.; но въ Метафизикѣ не сильны. Религія ихъ состоишъ въ поклоненіи Творцу всяческихъ, подъ именемъ Митры, и въ надеждѣ на жизнь вѣчную, блаженную для добрыхъ. Самоубійство у нихъ позволено въ случаѣ нестерпимой и неизлечимой болѣзни; и еспѣли спра-
жущій не можетъ самъ на себя под-
нять руки, то другъ его оказываетъ
ему сю услугу. Они смирюются надъ Европейскою пышностю, надъ дворян-
скими генеалогіями, надъ азардными
играми, надъ собачьей охотою, и проч.
Лишній хлѣбъ и скотъ продаютъ они
сосѣдямъ, и часто весьма долго не
потребуютъ съ нихъ плашежа; однако жъ
у нихъ много денегъ въ общесвен-
ной ихъ казнохранительницѣ. Еспѣли
какой нибудь народъ вздумаетъ на-
пастъ на нихъ, они наймутъ много-
численную армію для отраженія онаго;
или подкупятъ непріятельскихъ полко-
водцевъ на собственное ихъ испребле-
ніе. Всякія тяжелыя работы от-
прав-

правляютъ у нихъ рабы, купленные ими у соудственныхъ народовъ; иные же добровольно приходятъ къ нимъ работать. Философъ нашъ, долгое время жившій на семъ островѣ, началъ проповѣдывать жителямъ Хри-
стіянской законъ, которой многіе и
приняли. Впрочемъ они не спорятъ о
Религіи, и всякой можетъ думать,
какъ хочетъ, сообразно съ своею со-
вѣстію.

Вотъ что можно было извлечь изъ сего политического романа, весь-
ма темнаго въ Рускомъ переводѣ.
Читатель можетъ судить о семъ по
следующимъ мѣстамъ: „Всѣ предме-
ты, встрѣчающіеся глазамъ сихъ ра-
бовъ, одумавшихъ самихъ себя, имѣ-
ютъ такое надѣниe участіе, что
отврашаютъ ихъ отъ вины, и пр. —
„Боже насть сохрани! вскричалъ законъ
никъ, кусая пальцы и дѣлая какой-
то необыкновенный видъ видѣть когда
нибудь сходяща и исполняюща въ
Англіи сей странной обычай. —
„Совокупившися его гибель изъявляетъ

,,ся нечаяннымъ прерваніемъ. — Увы!
,,еспѣли бы Государь сполъ отгудилъ
,,сердца своихъ подданныхъ! — И
,,такъ трезмѣрныя крайности не-
,,имущества, жестокія уничтоженія,
,,испытуемыя человѣкомъ и проч., И
на всякой почти страницѣ можно най-
ти нѣчто подобное. Многіе галли-
цизмы въ слогѣ доказываютъ, что
книга сїя переведена не съ Англій-
скаго, а съ Французскаго языка. *Ма-*
истраты идутъ у Г. Переводчика
вместо судей, слугайныя игры вместо
азардныхъ и пр. и пр. Видно,
что онъ еще во Французскомъ язы-
кѣ не очень силенъ; да и въ Рус-
скомъ тоже.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

I. Arthur , or the Northern En-
chantment. A Poëtical Romance. In se-
ven books. London 1790. То есть:
Артуръ, или сѣверное отараваніе.
Піитическая повѣсть. Въ семи кни-
захъ.

сахъ. — Новая Эпическая Поэма , ко-
торая должна быть пріятна для всѣхъ
любителей Поэзіи. Содержаніе самое
романическое и занимательное , при-
ключенія всѣ интересны , образа живы
и плѣнительны , слогъ чистъ и прія-
тенъ. — Изъ Critical Review.

2 An Account of the principal La-
zaretto's in Europe ; with various Papers,
relative to the Plague, together with far-
ther Observations on some Foreign Pri-
sons and Hospitals , and additional Re-
marks on the present State of those in
Great Britain and Ireland. By John Ho-
ward. London. То ешь: Описание зна-
чныхъ лазаретовъ въ Европѣ , съ раз-
ными примѣтами на язву , и даль-
нейшія извѣстія о нѣкоторыхъ ино-
страныхъ темницахъ и гошпита-
ляхъ , съ прибавлениемъ замѣтаний на
нынѣшнее состояніе оныхъ въ Велико-
Британіи и Ирландіи. Сотиненіе Ё-
ддина Говарда. — Сія книга служитъ
продолженіемъ тѣхъ наблюдений , ко-
торыхъ Говардъ публиковалъ за нѣ-
сколько лѣтъ передъ симъ — Го-
вардъ ,

вардъ, добродѣтельной мужъ, любившій бѣдное человѣчество спра-
спною любовію. Онъ обѣхалъ всю
Европу — не для того, чтобы видѣть великолѣпіе земель, пышность
и роскошь — но для того, чтобы видѣть мѣста страданія, мѣста ужаса
и плача: пленницы и лазареты — и по томъ предложилъ средства къ об-
легченію тягостной судьбы неща-
сныхъ. Потомство не забудетъ
твоего имени, Герой добродѣтели!
Пока не испрешибится въ человѣкѣ чув-
ство добра, Говарда будущъ имено-
вать благодѣтелемъ человѣчества. Не
посвящая тебѣ олтарей, но всегда
со вздохомъ говорить будутъ: *О*
если бы болѣе было Говардовъ!

И З ВѢ С Т И Е.

Имена Особъ, благоволившихъ въ
прошедшемъ мѣсяцѣ подписатьсь на
Московской Журналѣ, будутъ при-
печатаны въ первой книжкѣ слѣду-
ющей Части.

СОДЕРЖАНИЕ.

Ода на смерть Графини Румянцо- вой	-	-	-	270
Письмо къ Прелестѣ	-	-	-	274
Я	-	-	-	280
Эпиграммы	-	-	-	—
Мармонтелевы вечера	-	-	-	281
Сельской праздникъ и свадьба	-	-	-	292
Письма Руск. Пупешественника	-	-	-	308
Лилія и Роза	-	-	-	349
День и Ночь	-	-	-	352
О Московскомъ Театрѣ	-	-	-	353
О книгахъ	-	-	-	358
О иностранныхъ книгахъ	-	-	-	365

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	Стр.	Напечат.	Чит:
277	8	они	онъ
280	8	не кто	но иша

